21 350
250

И 355/250

VII/455.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

(ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.)

Николая Сементовскаго.

10 11/7 40

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

Печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб. 11 Января, 1847 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
55 013-45

Въ типографіи И. Фишона.

20070568 20

ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.

Часто мысленный взоръ мой блуждаетъ по отдаленнымъ мѣстамъ пространной Россіи и часто очарованный дивною разнообразностію мѣстности я забываюсь и воображаю, что гляжу въ волшебное стекло, въ которомъ, какъ цвѣты и рисунки въ калейдоскопѣ, съ каждымъ мгновеніемъ, при малѣйшемъ движеніи являются новые виды то грозной природы Кавказа, то очаровательной Малороссіи, то угрюмаго сѣвера, то романтическаго края южнаго берега Крыма. Я истинно наслаждаюсь, когда мечта переноситъ меня въ плѣнительныя долины Тавриды, тогда въ памяти моей воскресаютъ воспоминанія минувшихъ лѣтъ моей жизни, я хотѣлъ сказать, моей юности, когда я, несвязанный никакими

препятствіями, оковавшими меня нынѣ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ очаровательномъ краю.

Плачу дань прошедшему, передавая впечатлѣнія мои читателямъ, изъ которыхъ быть можетъ, многіе подобно мнѣ, путешествовали нѣкогда въ этихъ мѣстахъ, а нынѣ вдали отъ нихъ также какъ я устремляютъ мысленные взоры и припоминая минувшее истинно наслаждаются.

Помните-ли вы, читатель посѣщавшій южный берегъ, высокія мечети и минареты и слышите-ли полуночную пѣснь слѣпаго старца, призывающаго на молитву вѣрныхъ сыновъ Магомета, видите-ли сотни поэтическихъ развалинъ сѣдой древности разбросанныхъ по горамъ и долинамъ Тавриды, упиваетесь-ли дивною прелестію южной природы, раскинувшей щедро богатые дары свои, слышите-ли пѣсни тысячи птицъ и прельщаетесь-ли чудными дѣвами юга, стройными какъ раины и восхищаетесь-ли раинами также нѣжными, какъ южныя дѣвы? Конечно на эти вопросы вы будете удовлетворительно отвѣчать и я твердо увѣренъ, что въ памяти вашей оживятся всѣ минувшія событія, запечатлѣнныя въ сердцѣ вашемъ на долго, а можетъ быть и навсегда.

Если путешествіе на южный берегъ началось не выѣздомъ изъ Одессы на параходѣ, то конечно сухимъ путемъ изнутри Россіи и тогда проѣхавши земли, принадлежав-

шія нѣкогда существовавшему народу Борисѳенитамъ, жившимъ по теченію Борисѳена, то есть Днѣпра, приближаясь къ Тафроскому полуострову и далеко не доѣзжая еще сѣверныхъ воротъ Перекопа, или древняго Тафра, или Неаполя, какъ называетъ его географъ Мелетій, по обѣ стороны дороги вдали синѣются заливы Гнилаго моря, мутныя воды его стоятъ безъ движенія и надъ ними тянется сѣрый туманъ, по правую же сторону излучистою и блестящею отъ солнца полосою виднѣется Черное море.

Рано утромъ переѣхалъ я Перекопъ; это было въ концѣ марта; въ южномъ краѣ все уже зеленѣло, кусты и деревья облились снѣжными благовонными цвѣтами, воздухъ дышалъ нѣгою.

Перекопъ лежитъ по срединѣ перешейка, на берегу рва соединяющаго море; чрезъ этотъ ровъ перекинутъ мостъ. Это единственное мѣсто, чрезъ которое проѣзжаешь сухимъ путемъ въ Тавриду. За мостомъ тянутся съ версту по обѣимъ сторонамъ маленькіе домики, землянки и кой-гдѣ худо выстроенныя лавки, это единственная улица, составляющая весь настоящій Перекопъ, построенный Мегли-Гиреемъ въ 1515 г. Спустя послѣ него тридцать лѣтъ другой ханъ Сагимъ-Гирей разширилъ паланку Феркарманскую, соединилъ два моря рвомъ и построилъ по направленію его каменную стѣну съ башнями, изъ которыхъ въ настоящее время

видны развалины двухъ крайнихъ у береговъ моря. У самаго Перекопа находятся развалины укрѣпленія, построеннаго, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые, генуезцами; оно обведено глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Среди развалинъ этой стѣны уцѣлѣли ворота, обращенныя въ пороховой погребъ; надъ входомъ ихъ съ одной стороны и доселѣ существуетъ арабская надпись, съ другой прекрасно изсѣчена сова. Среди города возвышается церковь во имя Св. Николая; она окружена каменными домами, принадлежащими Крымскому Соляному правленію. Въ Перекопѣ еще и доселѣ существуетъ каменный домикъ, построенный по случаю путешествія Императрицы Екатерины.

Выѣхавши изъ Перекопа по пути въ глубь Тавриды на пятой верстѣ лежитъ небольшое селеніе *Армянскій Базаръ*; жиды, греки, татары и русскіе торгуютъ здѣсь всѣми произведеніями южнаго берега, а въ особенности смушками, иначе овчинками. Здѣсь помѣщаются присутственныя мѣста, училища, церкви и мечеть. За Армянскимъ Базаромъ какъ змѣи черпѣютъ по степи двѣ дороги, лѣвая къ Соляпымъ озерамъ, правая къ Симферополю; мой путь лежалъ по послѣдней.

Пространная и скучная степь тоже длинное и скучное предисловіе къ историческому роману, послѣ котораго утомленный читатель начинаетъ отдыхать на первыхъ стра-

ницахъ интереснаго разсказа. Крымская степь отъ Перекопа простирается на 130 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи изрѣдка встрѣчаются только однѣ станціи тѣсныя и неудобныя, да по сторонамъ дороги кой-гдѣ видиѣются вдали небольшія татарскія деревеньки съ нѣсколькими хижинами, покрытыми плоскими дерновыми крышами. Однообразіе степи скоро утомляетъ взоръ, который не видитъ другихъ цвѣтовъ, какъ изумрудъ и сапфиръ — зелень и голубое небо. Пасущіеся верблюды и овцы, проѣздъ скрыпучей татарской арбы изрѣдка только прерываютъ однообразную картину, но чрезъ минуту опять предъ вами одна и та же степь, какъ скучная и неотвязчивая, хотѣлъ сказать женщина, но скажу лучше, мысль. Однакоже это скучное однообразіе степи искупается неизъяснимою нѣгою воздуха, напоеннаго ароматомъ цвѣтущихъ растеній. Въ тѣ дни, когда я проѣзжалъ это пространство, оно было не степь, а цвѣтущее благоухающее море и сколько въ этомъ морѣ приволья и простора жизни!... Утромъ до восхода солнца это ароматическое море покрывалось пеленою густаго тумана; за полъаршина впередъ ничего не видишь передъ собою; но вотъ незримо восходитъ солнце; яркія багряно-золотистые лучи его пронзаютъ пелену тумана и она, какъ море, начинаетъ волноваться; серебристый цвѣтъ ея переходитъ въ блѣдно-розовый; волны по мѣрѣ вос-

хода подымаются выше и выше; тогда по мѣстамъ открывается изумрудная зелень, а среди разорванныхъ волнъ тумана виднѣется ярко-голубое небо. Черезъ часъ, когда солнце высоко плыветъ по горизонту, сѣрый туманъ разсѣевается въ мгновеніе ока и въ эти-то часы благоуханіе истинно райское. Въ полдень картина степи измѣняется; тишина, мертвая тишина воцаряется на всемъ видимомъ пространствѣ, солнце ярко свѣтитъ, воздухъ чистъ и въ это время, если-бы склонить ухо къ цвѣтку, то кажется, можно было бы услышать шелестъ его вѣнчика и тычинокъ и сколько нибудь разгадать незримыя таины природы, совершающіяся въ тѣ минуты съ каждымъ цвѣткомъ.

Приближаясь ближе и ближе къ Симферополю по степи попадаются деревеньки, чаще видишь стада овецъ и табуны лошадей и на каждой верстѣ встрѣчаешь то верховыхъ, то пѣшихъ татаръ, теперь мирныхъ, а нѣкогда страшныхъ нашихъ враговъ. За двадцать верстъ до Симферополя и самая степь уже взволнована то холмами, то долинами, богатыми прекрасными группами южныхъ деревьевъ, изъ которыхъ одни пирамидальныя раины увлекаютъ взоръ вашъ и вы не желали бы оторвать его отъ этихъ живописныхъ рощицъ. На небосклонѣ, который привыкъ путешественникъ постоянно видѣть безъ малѣйшаго облачка, рисуются страшныя синія тучи; всматриваешься и уди-

БИБЛІОТЕКА ПЪКРОНШТАДТЪ

вляешься, что странная форма ихъ нисколько не измѣняется; тогда только невольно приходитъ на мысль — не горы ли это южнаго берега, о которыхъ привыкъ мечтать не въѣзжая еще въ Крымъ? Мысль эта оправдывается по мѣрѣ приближенія къ Симферополю. Величественный Чатырдагъ, или Палатъ-гора, служившая нѣкогда, по мнѣнію Формалеона, границею Босфорскихъ и Херсонскихъ владѣній, занимаетъ уже своею вершиною, почти треть неба. Всмотритесь, путешественники, въ эти грозныя вершины и не забудьте, что Чатырдагъ, быть можетъ, единственная развалина въ этомъ краю первобытнаго міра, свидѣтельница безчисленныхъ переворотовъ, случившихся на землѣ. Я самъ не могъ оторвать взора отъ заоблачной вершины этой первобытной развалины и мечталъ возлетѣть на самое ея темя, чтобы съ этой престольной высоты окинуть взоромъ весь міръ, который, кажется, долженъ быть видимъ съ такой высоты...

Очаровательная панорама мѣстности видимо развертывается, новыя красоты являются съ каждымъ шагомъ впередъ и грозный Чатырдагъ, какъ-бы изъ бездны, явственно восходитъ къ небу; за нимъ вдали синѣетъ цѣпь другихъ горъ хребта Яйлы. Розовый лучъ солнца золотитъ опаловыя вершины горъ, какъ волшебная кисть художника, рисующаго фантастическую картину. Верстахъ въ осьмнадцати отъ Симферополя обрыви-

стыя скалы Чатырдага ясно отдѣляются одна отъ другой; въ разсѣлинахъ и по отлогостямъ поросли вѣковые лѣса; покатость, обросшая яркимъ мхомъ и освѣщенная лучемъ солнца, пробившимся сквозь чащу вѣковаго лѣса, кажется, будто покрыта яркимъ изумрудным бархатомъ. Небо сливается съ горами, или лучше скажу, горы входятъ въ небо, а въ низу очертываются зданія города-среди котораго вьется кристальный Салгирь. Такая картина рисовалась предо мною, когда я подъѣзжалъ къ Симферополю и когда солнце садилось за горы, а на дальнюю перспективу вершинъ заходъ накидывалъ багряную мантію; вблизи передо мною ложилась длинная тѣнь отъ горъ и увеличивала сладостную темноту южнаго вечера и въ то время коляска моя катилась уже по улицамъ Акъ-Мечети, то есть бѣлой мечети, такъ называютъ Симферополь татары.

Въ новомъ городѣ въ соборѣ благовѣстили къ вечерни; въ старомъ, едва только умолкъ послѣдній звукъ колокола, послышался голосъ муллы, призывавшаго съ высоты полуразрушеннаго минарета на молитву правовѣрныхъ сыновъ пророка. Свѣтлыя мысли родились въ душѣ моей, минувшее воскресло предо мною, потомъ въ воображеніи моемъ представилось отрадное будущее, когда крикъ муллы вездѣ замѣнится звуками христіанскихъ колоколовъ, которые быть можетъ скоро повѣсятся новыми христіанами на

башняхъ старинныхъ мечетей и на лунѣ, нынѣ еще осѣняющей храмы Аллаха, засіяетъ животворный блескъ креста.

Двѣ совершенно различныя части Симферополя—старый и новый городъ, изображаютъ собою двѣ книги времени — стараго и новаго. Въ одной части на каждомъ шагу встрѣчаются развалины и на сохранившихся зданіяхъ лежитъ печать всесокрушающаго времени; увидите-ли человѣка, языкъ, одежда и обычаи его непремѣнно напомнятъ давно минувшіе вѣки, прошедшую судьбу Крыма и сосѣднихъ странъ. Изящные храмы истинному Богу, правильные и прекрасные фасады домовъ, широкія улицы, чистота и опрятность привлекутъ вниманіе въ новомъ городѣ. Но обозрите и старый, не оставьте и эту часть Акъ-Мечети безъ вниманія, посѣтите древнія христіанскія церкви и татарскія мечеты, въ часъ зноя утолите жажду струею, вытекающею изъ древнихъ фонтановъ; быть можетъ, испивши ее, вы, какъ восточный пѣвецъ, воодушевитесь и чистая, живая, чарующая поэзія польется изъ устъ вашихъ; тогда и мы смертные заслушаемся безсмертнаго пѣвца на нѣсколько вѣковъ; но пока начнется эта волшебная пѣснь, мы поѣдемъ къ Симферопольскимъ равнинамъ.

Не распрашивайте, путешественники посѣтившіе Симферополь, о достопримѣчательныхъ развалинахъ; садитесь скорѣе на татарскихъ лошадей и объѣзжайте всѣ горныя

возвышенности, подымайтесь на самыя вершины и вездѣ встрѣтите то остатки толстыхъ каменныхъ стѣнъ древнѣйшей кладки, то полуразрушенныя башни, окруженныя кучами щебня, изъ среди котораго выказываются обломки изящныхъ, нерѣдко мраморныхъ украшеній и даже цѣльныя капители колоннъ, вытесанныя изъ порфира или гранита. По мѣстамъ еще найдете большіе камни, выдолбленные по срединѣ на подобіе воронки для сохраненія дождевой воды или зеренъ хлѣба; но когда и кѣмъ сдѣланы эти углубленія никто не знаетъ.

Прежде всѣхъ прочихъ развалинъ посѣтите такъ называемое Симферопольское укрѣпленіе. Время построенія его неизвѣстно, намъ остались на долю одни догадки и предположенія. Конечно, большая часть укрѣпленій южнаго берега, построена во время царя Понтійскаго Митридата Евпатора, воевавшаго противъ горныхъ народовъ. Легко можетъ быть, что въ числѣ этихъ укрѣпленій построено и Неапольское, въ послѣдствіи переименованное въ Симферопольское, какъ думаетъ Бларамбертъ, Страбонъ же говоритъ, что это укрѣпленіе создано сыновьями Скиоскаго царя Скилура. Но оставимъ догадки на долю изыскателей древностей, онѣ намъ мало принесутъ пользы. Мѣстность укрѣпленія очаровательна: здѣсь предо мною гордо возносится въ небо Чатырдагъ, за нимъ тянутся другія горы, окутанныя, какъ

сѣдая древность, въ непроницаемый туманъ отдаленности, по сторонамъ прекрасная долина, съ живописными группами деревьевъ; подъ тѣнью ихъ выказываются ландшафтныя жилища; всюду яркая изумрудная зелень, вьющаяся то по плоскимъ крышамъ хижинъ, то по деревьямъ, то по скатамъ и отлогостямъ горъ; среди долины серебрятся свѣтлыя воды извивающагося Салгира; вдали у подошвы горъ, прекрасныя зданія недавнихъ годовъ; вблизи очертывается черная вѣковая развалина крѣпостной стѣны.

Мечтая о минувшемъ путешественникъ нечувствительно взойдетъ на возвышенность Симферопольскаго укрѣпленія, которое съ одной стороны было ограждено искуственною каменною стѣною, примыкавшею двумя концами къ природной неприступной возвышенности, сходившейся позади стѣны острымъ угломъ. Почти по срединѣ этой стѣны внутри укрѣпленія одинъ татаринъ, въ 1828 году открылъ песчаный камень съ рельефнымъ на немъ изображеніемъ всадника; подъ конемъ выдолблена греческая надпись, въ которой упоминается имя царя Скулура. Татаринъ вынувши эту плиту, преспокойно свалилъ ее на телѣгу и повезъ къ своему жилищу; на пути встрѣтился онъ съ ученымъ и образованнымъ человѣкомъ Султаномъ Кати-Гиреемъ; Султанъ отобралъ отъ татарина этотъ древнѣйшій и рѣдкій здѣсь памятникъ оборонной работы и тогда же озаботился о

сохраненіи его. Впослѣдствіи эту замѣчательную древность, видѣлъ я въ Одесскомъ музеѣ. Въ этомъ же укрѣпленіи отысканы были разныя мраморныя украшенія и на одномъ отрытомъ пьедесталѣ, чрезвычайно хорошо сохранившемся, читали имя Юпитера Атавирскаго; эта находка и ея надпись повели изыскателей древностей къ новымъ предположеніямъ, которыя также остались неразрѣшенными, какъ и всѣ прежнія. Въ небольшомъ глинянномъ закрытомъ сосудѣ, отысканномъ въ этомъ же мѣстѣ, оказались монеты и медали временъ Нерона. Самое же любопытное открытіе, сдѣланное въ этихъ развалинахъ, принадлежитъ путешественнику Дюбуа. Лѣтомъ въ 1834-мъ году, взбираясь на вершину укрѣпленія, онъ проходилъ мимо погребальныхъ пещеръ и, замѣтивъ одну недавно разрытую могилу, подошелъ къ ней изъ любопытства и увидѣлъ въ разрытой землѣ оставленныя безъ вниманія стеклянныя вещицы, служившія для украшенія; это подало ему мысль порыться самому въ могилѣ и тогда же онъ началъ работу съ помощію одного татарина. На днѣ вырытой ямы оказалось нѣсколько скелетовъ, лежавшихъ головами къ востоку; у каждаго изъ нихъ найденъ былъ толстый мѣдный ошейникъ, унизанный большими разноцвѣтными стеклянными бусами; нѣкоторыя изъ этихъ бусъ были совершенно гладки, другія осыпаны самымъ мелкимъ бисеромъ, на третьихъ замѣ-

чалась мозаическая работа. На груди каждаго скелета Дюбуа отыскалъ небольшія фигурки, отлитыя изъ особенной стеклянной массы извѣстной древнимъ; фигурки эти изображали лежащаго египетскаго льва и другіе символы восточныхъ народовъ; на рукахъ и ногахъ отыскались толстые мѣдные браслеты изящной работы, а на головахъ и грудяхъ небольшія нитки мелкаго разноцвѣтнаго бисера и между ними разноцвѣтныя агатовыя, янтарныя и стеклянныя бусы и настоящія жемчужины, поврежденныя временемъ. У каждаго скелета при боку лежали мечъ, желѣзное оружіе въ видѣ кинжала и нѣсколько стрѣлъ. Въ сосѣдней могилѣ Дюбуа нашелъ пустой муравленный сосудъ, нѣсколько витокъ разнаго ожерелья и круглое металлическое зеркало; по этимъ вещамъ онъ и заключилъ, что отдѣльно раскрытая имъ могила принадлежала женщинѣ.

Было еще довольно рано, когда я окончилъ обозрѣніе Симферопольскаго укрѣпленія и усталый сошелъ въ прохладную долину, гдѣ ожидали меня проводники. Отдохнувъ на камнѣ, надъ которымъ сверху повисли вѣтви роскошной ивы, я сѣлъ на коня и узкою тропою спустился внизъ небольшою рысью. Мы поѣхали по очаровательной долинѣ, среди которой нѣсколько разъ переѣзжали въ бродъ свѣтлый Салгирь. Оставивши за собою небольшую русскую деревеньку,

а за нею прелестную дачу, принадлежащую, если не ошибаюсь, г-жѣ Нарышкиной, мы поднялись на возвышеніе и вскорѣ опять спустились въ долину. Здѣсь развернулась предъ нами картина природы нимало несходная съ привлекательною видописью мѣста, открывающуюся съ высоты Симферопольскаго укрѣпленія; тамъ очарованіе заключается въ живописной группировкѣ роскошныхъ южныхъ деревьевъ, въ ландшафтныхъ хижинахъ, въ удивительной яркости зелени растеній и въ лазурныхъ струяхъ Салгпря, бѣгущаго среди долины, а здѣсь взоръ поражается величіемъ угрюмыхъ скалъ, одѣтыхъ по хребтамъ темными вѣковыми лѣсами и горною безпредѣльною далью, затянутою легкою синевою тумана. На первомъ планѣ этаго угрюмаго ландшафта, какъ будто-бы для того, чтобы оживить его и довершить очаровательную дикость мѣстности, увидите стан дикихъ козъ, скачущихъ съ непзобразимою легкостію по утесамъ и скрывающихся отъ путпика въ горныхъ разсѣлинахъ, или за громадными камнями, обросшими сѣдымъ мхомъ или густымъ кустарникомъ. На пространствѣ двухъ верстъ эта прелестная дикость мѣста безпрестанно мѣняетъ свои красоты; два шага назадъ громадный камень казался отвѣсною черною скалою и два шага впередъ, эта черная скала, освѣщенная лучемъ солнца, упавшимъ на нее изъ чащи вѣковаго лѣса, кажется гигантскимъ кристалломъ горна-

го свѣтло-розоваго хрусталя. Густая почти черная зелень лѣсовъ, вѣнчающихъ подножье скалы, еще болѣе придаетъ очарованья этой картинѣ. Сосѣдніе горные обрывы отражаютъ отъ себя тысячи теплыхъ и пріятныхъ колеровъ. Смотришь на эту живопись природы и жалѣешь, что нѣтъ такихъ искуственныхъ красокъ, которыми могъ бы написать эту чарующую картину, сохранивъ всѣ оттѣнки ея до малѣйшей подробности.

Переѣхавши небольшой мостъ, мы поворотили влѣво отъ него по дорогѣ въ Алушту и обозрѣли развалины Эски-Сарая то есть стараго дворца; эти кучи щебня не представляютъ ничего особенно занимательнаго, уцѣлѣвшая же стѣна Эски-Сарая и вблизи ее струящійся ручеекъ образуютъ картину весьма приличную для изящнаго альбома: старикъ татаринъ сидѣлъ задумавшись на камнѣ у самой развалины; невдалекѣ отъ него, между кустовъ, бродилъ его бодрый конь и отражался съ зеленью кустовъ въ кристальныхъ струяхъ ручья; о чемъ думалъ старецъ, не о минувшемъ ли величіи хановъ и о настоящемъ запустѣніи этого, быть можетъ нѣкогда пышнаго дворца, или же о собственной своей старости, сравнивая ее съ руиною? Спрашивалъ я самъ себя, проѣзжая подлѣ развалинъ.

Оставивши въ сторонѣ Эски-Сарай, мы быстро проскакали нѣсколько татарскихъ деревень, живописно расположенныхъ по бе-

регу Салгира и взобрались вдоль по крутому берегу на горную возвышенность; отсюда я снова увидѣлъ грозный Чатырдагъ во всемъ его грозномъ величіи; по сторонамъ открылись увлекательныя мѣста; по правой рукѣ, съ небольшаго скалистаго возвышенія ниспадалъ небольшой ручеекъ и скрывался внизу скалы, въ чащѣ свѣтло-зеленыхъ кустовъ акаціи и орѣшника; возвышенность, съ которой я обозрѣвалъ отдаленность, образуетъ собою природную террасу; позади ея грозно подымаются огромныя скалы. Налюбовавшись мѣстомъ мы спустились нѣсколько ниже и нашли въ этой горѣ могильныя пещеры съ нишами для гробовъ; два отверзтія ведутъ внутрь мѣста вѣчнаго покоя и одно изъ нихъ чрезвычайно узко; мы принуждены были ползкомъ пробираться во внутрь пещеръ и ежеминутно ожидали, что обваливающіеся камни и осыпающійся песокъ, если не раздавятъ насъ, такъ за-живо погребутъ здѣсь; проползши узкимъ отверстіемъ шаговъ десять, если не болѣе, мы нѣсколько только могли подняться на ноги, въ расширившемся проходѣ, но еще сажень и путь намъ былъ уже широкъ и удобенъ. Дневный свѣтъ, проникавшій сквозь отверзтіе совершенно исчезъ и я приказалъ зажечь свѣчи, нарочно взятыя съ собою, съ цѣлью осмотрѣть внутренность тѣхъ пещеръ, въ которыя проберусь.

Тусклый свѣтъ, освѣтилъ предо мною ши-

рокое пространство въ видѣ обыкновенной комнаты со сводомъ; отсюда двѣ галлереи, находящіяся по лѣвую и правую сторону, ведутъ въ другія пещеры, изрытыя внутри горы; я избралъ правую галлерею, какъ казалось намъ, болѣе удобную для безопаснаго подземнаго пути; избранная широкая галлерея привела насъ въ новую пространную пещеру; потолокъ ея, какъ и въ первой, сходился сводомъ и по срединѣ пещеры поддерживался тремя грубо изсѣченными колоннами; въ этой комнатѣ опять два прохода; они ведутъ въ новыя пещеры; я опять избралъ правый; этотъ проходъ уже прежняго и продолжившись шаговъ сто, если не болѣе, привелъ насъ въ третью пещеру, среди которой свѣтъ очертилъ спокойно стоящее озеро чистой и чрезвычайно холодной воды, вѣроятно проникнувшей сюда извнѣ; эта пещера не такъ пространна какъ двѣ первыя; стѣны ея изрѣдка покрыты прилѣпившимися сталактитами; черезъ овальное отверзтіе, пробитое въ лѣвой стѣнѣ пещеры, мы увидѣли громадные сталактиты, заблестѣвшіе предъ нами въ то время, когда мы наклонясь пили воду изъ озера и черезъ отверзтіе, облѣпленное окаменѣлыми шишками извѣстняка, пробрались въ сталактитовую пещеру. Удивительное зрѣлище открылось предъ нами, когда мы вошли въ нее; гигантскія фантастическія формы, ярко искрившихся сталактитовъ и сталакнитовъ очертывались предъ нами, какъ

нѣкія волшебныя тѣни, вызванныя чародѣйскою силою изъ другаго міра; они вмѣстѣ и удивляли и ужасали насъ.

Сталактитовая пещера довольно пространна и одинъ только уголъ не покрытъ дивными фигурами, въ самой глубинѣ его, сквозь обвалившуюся глину, видѣнъ при свѣтѣ огня, подземный источникъ, съ шумомъ текущій въ слѣдующую пещеру, въ которую проходъ такъ тѣсенъ и опасенъ, что я ни какъ не рѣшился пробраться далѣе; вѣроятно, что слѣдующій проходъ повелъ бы насъ далѣе; но насладившись фантастическими формами блестящихъ сталактитовъ, мы прежнимъ путемъ возвратились назадъ. Названія этихъ пещеръ я не могъ узнать отъ сопутствовавшихъ меня татаръ.

Располагая чрезъ три дня оставить Симферополь и его окрестности я, обозрѣвши эти пещеры, поспѣшилъ въ тотъ же день возвратиться въ городъ. Если бы я писалъ путевыя записки съ тою цѣлью, чтобы указать мѣсто, гдѣ меня принимали радушно и кормили вкусными и роскошными обѣдами, гдѣ я спокойно спалъ и наконецъ разсказывалъ бы публикѣ сны, какіе грезились мнѣ во время путешествія, то Симферополю въ этомъ отношеніи я непремѣнно отдалъ бы преимущество передъ прочими мѣстами южнаго берега; но въ очеркахъ моихъ не отыщутъ читатели ни жирныхъ обѣдовъ, ни обаятельныхъ сновъ; я даже не записалъ ихъ и въ

карманной книжкѣ, предоставляя другимъ путешественникамъ наполнять свои записки подобными интереснымъ извѣстіями.

На другой день утромъ по возвращеніи моемъ въ Симферополь, я съ однимъ глубокимъ старикомъ татариномъ Юзбаши-Барали сѣлъ на лошадей и выѣхавши за городъ поѣхалъ на сѣверо-западъ къ урочищу Батубъ-Хане.

Дорогою татаринъ съ особенною набожностію разсказывалъ мнѣ о чудесахъ татарской святыни, которую онъ вызвался показать мнѣ, взявши напередъ слово, что я не буду сомнѣваться въ истинной ея святости. Я обѣщалъ старику исполнить его желаніе и онъ, съ радостью посмотрѣвъ на меня, погладилъ сѣдую бороду и началъ разсказъ:

— Слушай, баринъ!

— Слушаю, Юзбаши-Барали.

— Аллахъ великъ и Мугамедъ его пророкъ! Сказалъ татаринъ, пристально посмотрѣлъ на меня, покачалъ головою, погрозилъ пальцомъ и продолжалъ:

— Вы, русскіе невѣрные люди, вы не молитесь ни Аллаху, ни Магомету, вы не будете жить тамъ!...

Онъ указалъ на небо, я непритворно вздохнулъ и мысленно самъ себя спросилъ: «скоро-ли исчезнетъ, хотя въ Европѣ, лжеученіе магомета?..» Татаринъ прервалъ мое размышленіе.

— Не вздыхай! Слушай, что я скажу на

счетъ твоего спасенія, а потомъ разскажу и чудо, совершившееся нѣкогда съ женою одного хана нашего:

«Въ конюшнѣ ханской стоялъ арабскій жеребецъ; цѣны ему не было, онъ былъ единственный жеребецъ во всемъ мірѣ; день и ночь стояла стража вокругъ конюшни и хранила безцѣннаго коня. Въ одно утро вошли ханскіе конюхи въ конюшню и видятъ, что въ ней нѣтъ жеребца, начали суетиться, искать его вездѣ, куда только полагали они, что онъ можетъ забѣжать. Суету увидѣлъ Ханъ, тотчасъ догадался кого они ищутъ и призвавши къ себѣ всѣхъ до единаго изъ окружавшихъ его людей сказалъ:

«Отыскавшаго моего жеребца я осыплю золотомъ; ступайте и ищите, всякій изъ васъ можетъ быть счастливцемъ!»Слуги бросились въ разныя стороны и начали искать. Множество было искавшихъ, но изъ нихъ одинъ только увидѣлъ жеребца подъ тѣнью дерева, взялъ его за узду и привелъ къ Хану. Что-же Ханъ сказалъ, какъ вы думаете, господинъ? спросилъ меня татаринъ.

— Не знаю, Юзбаши-Барали!

— Ханъ, вотъ что сказалъ: на, первую и большую часть обѣщаннаго мною тебѣ богатства, а эти части я роздамъ искавшимъ жеребца вмѣстѣ съ тобою; они всѣ также желали сыскать жеребца, но тебѣ одному посчастливилось найти его;нельзя-же и тѣхъ ос-

тавить безъ награды. Понимаете, господинъ, эту святую истину?

—Понимаю, старикъ!

— То-то, вотъ какъ милостивъ великій Аллахъ и Магомедъ его пророкъ! Теперь слушайте о чудѣ. Нѣсколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ одинъ умный Ханъ. У него было множество женъ, но одна изъ нихъ вашей вѣры, привезенная татарами изъ Польши и подаренная Хану, родила дочь; значитъ она уже Ханша, старшая надъ всѣми женами. Дочь росла, мать воспитывала ее по своему закону; хотя этаго у насъ и нельзя, но Ханъ страстно любивши жену, смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Выросла его дочь красавица собой, какъ разнесся слухъ въ народѣ чрезъ евнуховъ Ханскихъ, которые можетъ быть видѣли ее въ другой разъ и безъ покрывала; знатные люди изъ Турціи да и паши задумали, какъ бы ее взять въ жены, но Ханша не то затѣяла, она рѣшилась съ матерью убѣжать изъ гарема и пробраться въ вашу землю; вечеромъ одного дня, Ханъ входитъ въ гаремъ, спрашиваетъ султаншу—нѣтъ ее; въ началѣ Ханъ полагалъ, что жена пошла къ своимъ пріятельницамъ и не безпокоился, но настала ночь, нѣтъ Ханши и ея дочери; что дѣлать? разослалъ онъ погоню; посланники искали ихъ вездѣ и не нашли. Черезъ три дня, Ханъ пріѣхалъ помолиться Кыркъ-Азизъ; молился и что же? выходитъ изъ пещеры и видитъ, что его

Ханша лежитъ почти у дверей ея безъ чувствъ; Ханъ приказалъ внести ее въ пещеру, началъ опять молиться и Ханша, слава Аллаху, ожила. Ханъ возрадовался и милости его на народъ полились рѣкою!

— А дочь Ханши, куда дѣвалась?

— А дочь ваши невѣрные казаки захватили и потомъ она съ ними и на Стамбулъ попадала; все хотѣла мать освободить, да не такъ-то легко было.

— Слава вашей святыни! Поѣдемъ-же шибче, старикъ!

Старикъ ударилъ лошадь нагайкою и мы быстро помчались впередъ.

Передъ нами обрисовывался скалистый берегъ рѣчки Зуи, къ которому мы спѣшили. Разсказъ татарина еще болѣе заинтересовалъ меня увидѣть его святыню, которая, какъ онъ говорилъ, единственная во всемъ мірѣ. Какая-же можетъ быть святыня у татаръ думалъ я, привыкши считать этотъ народъ болѣе суевѣрнымъ, нежели истинно преданнымъ своей религіи. Это не турки самые ревностные поклонники пророка; татарскія вѣрованія были прежде богаты толками и сектами; даже, кажется, въ самой маленькой уединенной деревнѣ можно было найти десять сектъ, различавшихся одна отъ другой, самымъ пустымъ обрядомъ.

Подъѣхавши къ подошвѣ скалы, мы поручили лошадей татарину, котораго полуразрушенная землянка чернѣлась въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ горнаго возвышенія. Этотъ татаринъ привѣтствовалъ насъ по восточному обычаю и предложилъ мнѣ чрезъ моего спутника отдохнуть въ его землянкѣ на обратномъ пути. Поблагодаривши за гостепріимное предложеніе, мы начали подыматься на скалу. Юзбаши-Барали разсказывалъ мнѣ про богоугодную жизнь татарина, которому мы поручили лошадей и вздыхая сожалѣлъ, что Аллахъ не дозволяетъ и ему поселиться у подошвы этой скалы; тогда-бы онъ, какъ говорилъ, ежечасно молился Кыркъ-Азизъ.

Нельзя сказать, чтобы мы были утомлены взбиравшись на вершину скалистаго берега, однакожс, я желалъ осмотрѣть видопись мѣста и упросилъ моего старика присѣсть на камнѣ, выдавшемся на самой макушкѣ скалы. Подсѣвши къ словоохотливому старику, я началъ распрашивать его о названіяхъ близлежащихъ деревень и селъ.

— Вотъ милая деревня Копечи, — а вотъ немного далѣе, другая Коясти; здѣсь живетъ мой старинный пріятель Абуль-Адіи.

— Скажи мнѣ, Юзбаши-Барали, чѣмъ особенно замѣчательно это мѣсто? что было здѣсь въ старину?

— Здѣсь барина, было, жилище святыхъ душъ; назадъ тому нѣсколько сотъ лѣтъ приходили сюда всѣ татары и даже жены молиться, а потомъ, когда Крымъ завоевали русскіе, такъ святыя души неизвѣстно ку-

да скрылись; осталась намъ одна святыня; пойдемъ къ ней, пора!

Татаринъ всталъ, вслѣдъ за нимъ послѣдовалъ я и мы начали спускаться въ низъ по удобной и довольно широкой тропѣ.

— Послушай, Юзбаши-Барали, можетъ быть святыя души полетѣли въ Мекку, или Медину?

— Аллахъ знаетъ и Мугамедъ его пророкъ! не разговаривай, баринъ, мѣсто свято.

Я умолкъ. Скоро пришли мы къ искусно отдѣланному отверзтію пещеры, у котораго сидя спалъ глубокій старецъ татаринъ. Юзбаши-Барали помолившись у входа, взялъ меня за руку и ввелъ во внутренность довольно пространной пещеры. Тысячи свѣчей пылали предъ широкимъ темно-краснаго дерева ящикомъ, сдѣланнымъ на подобіе гроба.

Юзбаши пицъ повергнулся предъ гробомъ и долго не поднимался, безпрестанно провозглашая имя Аллаха и его пророка.... Старикъ усердно молился.

Отъ бремени лѣтъ и усталый, онъ съ трудомъ могъ подняться на ноги и обратясь ко мнѣ сказалъ:

— Ты, баринъ, невѣрный, ты не можешь молиться этой величайшей святынѣ, но я за тебя молился, ты будешь счастливъ! Поблагодаривъ усерднаго старика и осмотрѣвши пещеру и гробъ, въ которой, по словамъ татаръ, покоятся Кыркъ-Азисъ — сорокъ святыхъ, я вышелъ изъ пещеры и мы возвра-

тились обратнымъ путемъ къ земляпкѣ, у которой оставили лошадей и, здѣсь отдохнувши короткое время, сѣли на коней и поѣхали въ Симферополь.

Еще до восхода солнца коляска моя катилась по дорогѣ изъ Симферополя въ Алушту. Четыре верховыхъ татарина были моими сопутниками. Если гдѣ истинно пріятно путешествовать выѣзжая рано утромъ, такъ это именно по южному берегу Крыма. Напрасно описывалъ-бы я эту пріятность; скучныя строки описанія, не дадутъ никакого понятія о тѣхъ наслажденіяхъ, какими я упивался, во время путешествія моего по Тавридѣ.

Востокъ! не буду сравнивать его, подражая юнымъ поэтамъ, съ румяною дѣвою, потому что востокъ на южномъ берегу не дѣва, а скорѣе румяный, пылкій юноша, и такъ, этотъ румяный и пылкій юноша; багряно-золотыми лучами своими, осыпалъ всю природу, и живописная картина развалинъ Демиръ-Хату— желѣзныя ворота казалась какъ-бы нарисованною на розовой перламутровой доскѣ. Нѣга и прозрачность горнаго утренняго воздуха, яркая синева неба, чудная зелень, лазурныя воды и отражающійся въ нихъ холодный, но увлекательный колеръ сѣдой развалины стѣны, нѣкогда начинавшейся у подошвы горы Кастель и доходившей до моря, обнимали меня со всѣхъ сторонъ. Въ этотъ часъ

пути, я забылъ тяжелую существенность и могу сказать наслаждался духовно.

Оставивши за собою незначительныя развалины Демиръ-Хапу, мы въѣхали въ довольно пространную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ громадными скалами, изъ-за вершинъ которыхъ синѣлись сотни другихъ горъ. Среди этой бархатной долины извивается дорога, приведшая насъ къ чрезвычайно высокой скалистой горѣ; мнѣ сказали, что на вершинѣ ея недавно поставленъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ Императоръ Александръ во время послѣдняго своего путешествія по южному берегу. Мало оставалось мнѣ времени, назначеннаго для переѣзда въ Алушту, но я не могъ не взобраться на вершину скалы, которая какъ живая лѣтопись, напомнила мнѣ жизнь Благословеннаго и судьбу его соперника Наполеона. Я смотрѣлъ на громадныя скалистыя горы, сравнивалъ эти вѣковыя твердыни съ судьбою человѣка и въ головѣ моей роплись тысячи мыслей...

Спустившись съ горы въ долину, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ шибче прежняго. Достопамятная гора все еще рисовалась предо мною и мысли о славномъ минувшемъ, не оставляли меня; воображеніе, то летало на дикій островъ Елены, то перепосилось въ столицу Франціи и я, казалось, стоялъ въ церкви дома инвалидовъ, передъ гробомъ узника Императора; то опять дума переносила

меня въ нашу сѣверную столицу и въ соборѣ Петра и Павла, я молился передъ гробомъ Благословеннаго...

Проѣхавши долину, горная дорога начинаетъ мало-по-малу понижаться. Дальнія вершины горъ, какъ мысли, заслонялись ближайшими скалами, или входили въ землю, или же терялись въ синевѣ дали, сливавшейся съ синевою моря, едва видимаго отсюда. По прямой линіи, освѣщенныя вечернимъ солнцемъ начинаютъ рисоваться среди зеленыхъ группъ деревьевъ домики Алушты. Не подозрѣваешь, чтобы новая картина мѣстности встрѣтилась на пути и привлекла вниманіе; вдругъ, какъ будто бы по мановенію волшебнаго жезла, оборачиваешься въ лѣвую сторону и видишь передъ собою истинно фантастическую сказочную скалу Демирджинскую; едва только обратите на нее вашъ взоръ и увидите въ первое мгновеніе не безобразную массу громадныхъ камней, повержепныхъ одинъ на другой, но очаровательную головку женщины въ греческой заческѣ. Взоръ вашъ жаждетъ наслаждаться правильнымъ обликомъ головки и вы забываетесь, что смотрите на каменную скалу, которая съ приближеніемъ превращается въ безобразную массу камней, висящихъ надъ деревнею, которую она, кажется, раздавитъ, въ то самое мгновеніе, когда вы смотрите на нее.

Любуясь Демирджинскою головкой, въ душѣ вашей можетъ быть родится нравственная

мысль, которую я не пишу здѣсь, не желая сравнивать бездушнаго фантастическаго облика съ прелестною женщиной...

Вечернie лучи солнца прямо падали на скалу, безпрестанно измѣнявшую цвѣта свои; вотъ мгновенie, она представляется полупрозрачною, какъ-бы составленною изъ громадныхъ кусковъ самаго толстаго голубаго фарфора; по окраинамъ камней неподражаемая синева безпрестанно переходитъ то въ багряный отливъ, то зеленѣетъ изумрудомъ, то сіяетъ золотымъ лучемъ; новое мгновенie и вся скала кажется мозаическимъ персидскимъ узоромъ. Едва солнце спрячется за облачко, узоръ сливается въ туманную массу халцедона и скала измѣняетъ свое очертанie, окутываясьзеленьюкустарниковъ, поросшихъ по отлогостямъ ея.

Не-доѣзжая этой волшебной скалы, по дорогѣ встрѣтится горный ключъ, обдѣланный дикимъ камнемъ. Чистая холодная вода его вытекаетъ изъ ближнихъ горъ. Остановитесь и утолите жажду у этого студенца, достопамятнаго тѣмъ, что близь него Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ былъ раненъ пулею въ правый високъ; пуля,какъ извѣстно,вышла въ лѣвый, пройдя позади глазъ и одинъ изъ нихъ совершенно повредила. Ключъ, въ память этого событія,наименованъ Кутузовымъ фонтаномъ; татары называютъ его Сунгу-су. Съ одной стороны студенца, на камнѣ, вырѣзана надпись: «Близь сего мѣста, въ сра-

женіи противу турокъ, генералъ-маіоръ Михайло Иларіоновичъ Кутузовъ, что послѣ былъ фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ, раненъ въ глазъ.»

Садитесь у этого достопамятнаго источника утоливши жажду и окиньте взоромъ живописныя отдаленности, блѣдно-рисующіяся предъ вами, обвитыя въ вечерній розовый туманъ. Въ лѣвѣ, за пространнымъ и глубокимъ доломъ, подъ огромными скалами едва видпѣется небольшая татарская деревня Демирджи; сюда я спѣшилъ для ночлега.

Спустившись въ долъ, мы быстро поѣхали къ Демирджи. Былъ часъ десятый вечера; на южномъ небѣ загорѣлись яркія звѣзды; тихій вечерній вѣтерокъ разнесъ по долу обоятельное благоуханіе. Отдаленныя окрестности, какъ красавица востока, закрывались въ широкія пелены тумана. Западъ потухалъ, ночная тишина всюду воцарилась; по временамъ прерывалась она шумомъ ниспадавшаго горнаго водопада, внизу дробившагося о камни, или же крикомъ дикихъ гусей, перелетавшихъ вереницей изъ озера на озеро. Кажется, что я пожертвовалъ-бы пятью годами жизни, если-бы только во все остальное время могъ наслаждаться въ этихъ мѣстахъ вечернею и утреннею нѣгою природы.

Почти въ полночь я пріѣхалъ въ Демирджи. Проводники татары отыскали для меня довольно сносную для ночлега хижину прилѣпленную къ скалѣ и только одна сторона

ся была сложена изъ дерева, для прочихъ же служили ей природные камни, въ которыхъ изсѣчена пространная пещера съ нишами для покойниковъ.

Въ этой-то пещерѣ, въ одномъ болѣе возвышенномъ отъ земли и пространномъ нишѣ, гдѣ, по словамъ хозяевъ, помѣщалось нѣсколько гробовъ, я улегся преспокойно спать, по обыкновенію подложивъ подъ себя толстый войлокъ, защищающій отъ сырости и незванныхъ гостей скорпіоновъ и другихъ пресмыкающихся, которыхъ здѣсь весьма много.

Я сѣлъ въ коляску, татары вскочили на коней и съ гикомъ помчались впередъ по дорогѣ въ Алушту по пространной долинѣ зеленой и мягкой какъ роскошный восточный коверъ. Алушта рисовалась передъ нами на отдѣльной горѣ, возвышающейся среди двухъ пространныхъ долинъ, по которымъ струятся двѣ небольшія рѣчки, вытекающія изъ горъ. Лѣтомъ эти рѣчки совершенно высыхаютъ, за то весною опѣ широко разливаются и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ огромные камни мѣшаютъ ихъ протоку, опѣ покрываютъ водою эти преграды и образуютъ большіе водопады. Подошва горы до самой вершины покрыта яркою зеленью виноградниковъ; среди этой зелени, на горизонтѣ очертываются зданія и развалины алуштинскаго укрѣпленія, построеннаго при императорѣ Юстиніанѣ I-мъ. По оставшимся развалинамъ стѣны

трехъ башень, находившихся по угламъ укрѣпленія замѣтно, что самая крѣпость составляла неправильный пятиугольникъ, въ срединѣ которой, на самой вершинѣ, существовало верхнее укрѣпленіе, также обведенное каменной, чрезвычайно толстою стѣною.

Чрезъ полчаса, по пріѣздѣ моемъ на горную алуштинскую станцію, весьма неспокойную и неудобную, я съ двумя изъ моихъ провожатыхъ и однимъ алуштинскимъ татариномъ отправился осматривать развалины древнихъ башень, стоявшихъ, какъ я сказалъ выше, по угламъ стѣны; отъ самой отдаленной изъ нихъ шестиугольной осталось одно основаніе, которое конечно чрезъ два или три года совершенно исчезнетъ, ибо жители разбираютъ камни, кладенные на известкѣ, для своихъ построекъ. Средняя башня четырехъ-угольная, хорошо сохранившаяся и наконецъ третья совершенно круглая прилегаетъ основаніемъ почти къ самой скалѣ; толщина стѣнъ этихъ башень болѣе сажени. Алуштинскій житель показывалъ мнѣ внутри укрѣпленія едва замѣтныя развалины замка Алустона, построеннаго Юстиніаномъ. Алуштинскія развалины въ настоящее время не представляютъ ничего замѣчательнаго. Прекрасная картина рушнъ, очаровательная мѣстность, вотъ и все, что найдетъ здѣсь путешественникъ.

Ранимъ утромъ, въ часъ, когда туманъ обвивалъ скалы, съ вечера еще покрывшій

все горное пространство, я разсматривалъ уже остатки стѣны Демирджинскаго укрѣпленія, прилегавшаго двумя концами къ неприступной скалѣ, отъ которой, въ нѣкоторомъ отдаленіи и доселѣ еще существуютъ развалины древнѣйшей греческой церкви замѣчательной тѣмъ, что она противу обыкновенія, существовавшаго въ этихъ мѣстахъ, построена въ два этажа. Да не подумаютъ читатели, чтобы церковь эта была изящное архитектурное зданіе; небольшой каменный домикъ, въ длину до семи сажень, въ ширину до трехъ, столько же въ вышину, прикрытый довольно плоскою крышею — вотъ и весь фасадъ этаго древняго храма.

Я спѣшилъ въ Алушту и по этому въ Демирджи прибылъ до восхода солнца; проводники мои татары проснулись, совершили омовеніе, приготовили лошадей и вмѣсто чаю и кофе принесли мнѣ нѣсколько роскошныхъ гроздій краснаго и довольно крупнаго винограда, растущаго здѣсь въ большомъ изобиліи, у подошвы горы и по скаламъ, цѣпляясь за нихъ и живописно обвивая вѣковые камни и маленькія жилища татаръ, прилѣпленныя къ скаламъ и пещерамъ въ нихъ изрытымъ.

Алушта весьма древнее греческое укрѣпленіе; въ настоящее время она составляетъ небогатое горное мѣстечко, посѣщаемое почти всѣми путешественниками и потому уже, что здѣсь находится станція. Старая

татарская мечеть и нѣсколько вокругъ нее довольно опрятныхъ домиковъ составляютъ все украшеніе Алушты.

По чрезвычайно узкой тропѣ, извивающейся у подошвы скалы подлѣ самаго берега моря, пробирались мы верхами на лошадяхъ въ Кучукъ-Ламбатъ. Эта береговая тропа вдругъ исчезала, покрытая морскою волною и тогда мы смѣло въѣзжали въ море и ѣхали водою до первой возвышенности, которую не могли покрыть волны; за то здѣсь сильные прибои валовъ, разбиваясь о каменный берегъ, орошали насъ водяною пылью. Съ правой стороны возвышались надъ нами грозныя скалы съ выдавшимися камнями, которые вотъ, вотъ, казалось, обрушатся и раздавятъ насъ. Часто тропа эта становилась такъ затруднительною, что мы, казалось, неминуемо должны будемъ обрушиться въ морскую бездну, свалившись съ громаднаго утеса, на который карабкались, слѣзая съ лошадей и удерживаясь за ихъ хвосты, или же пустивъ ихъ впередъ, сами лѣзли на вершину, опираясь руками и ногами за камни и цѣпляясь за кусты, выросшіе на каменьяхъ и въ разсѣлинахъ. Часто одинъ сухой пень дерева служилъ намъ единственнымъ сообщеніемъ между двумя вершинами скалъ, раздѣленными одна отъ другой бездонною пропастью. Но неудобство пути выкупалось новыми горными картинами, нисколько не схожими съ видѣнными мною до этого и эти виды передъ

нами безпрестанно измѣнялись, то очертывалась вершина грознаго Чатырдага, то обрисуется на синемъ горизонтѣ скалистая гора Кучукъ-Кастель, или же подымется изъ моря, въ видѣ черпаго медвѣдя, Буюкъ-Кастель-Аю-дагъ. Здѣсь безпредѣльное море, тамъ зелень виноградниковъ и упоительная нѣга тѣнистыхъ садовъ; съ одной стороны, на каждомъ шагу видите скалы, камни и дикія стремнины, съ другой рисуются вдалекѣ мирныя жилища, окруженныя изобиліемъ произведеній южной природы.

Пробираясь по опасному пути въ Кучукъ-Ламбатъ, я душевно желалъ скорѣйшаго окончанія его; но когда кончился этотъ путь и предъ нами, по уступамъ горы, зачернѣлись прилѣпленныя, какъ гнѣзда ласточекъ, маленькія хижины, я пожалѣлъ, что кончилась опаспость и желалъ, чтобы еще далѣе продлилась наша дорога. У подошвы Кучукъ-Ламбата, предъ изящнымъ домомъ, принадлежащимъ одному изъ нашихъ вельможъ, красуется гладкое круглое зеркало пристани, окаймленной возвышенными берегами, кой-гдѣ покрытыми живописными кустарниками, кой-гдѣ голыя скалы, кой-гдѣ желтѣетъ песокъ. Далѣе свѣтлѣетъ безпредѣльное море, съ двухъ сторонъ ограничивающееся извучистыми разноцвѣтными скалами; за домомъ выказываются стройные пирамидальные тополи, роскошны тополи юга; по мѣстамъ зеленѣютъ развѣсистыя благоухающія ивы; въ од-

номъ мѣстѣ растетъ нѣсколько живописныхъ каштановыхъ деревьевъ въ другомъ вьются по стѣнѣ и камнямъ, живописныя лозы винограда, обремененнаго сочными плодами; изъ-за вершинъ деревьевъ, гордо восходитъ къ небу гора съ прилѣпившимися къ ней въ разныхъ мѣстахъ жилищами; это древнѣйшее мѣсто Кучукъ-Ломбатъ, бывшее извѣстнымъ Хіоскому уроженцу Скильну, жившему болѣе нежели за сто лѣтъ до Р. Х. Когда посѣтитель этого древняго мѣста, обратитъ взоръ на море, то по правую сторону увидитъ, какъ будто изъ бездны морской возстающую громадную гору, фантастическое очертаніе которой сходствуетъ съ спокойно лежащимъ медвѣдемъ; это дивная гора Аю-дагъ т. е. Медвѣдь-гора, она покрыта лѣсомъ, темный цвѣтъ котораго придаетъ еще болѣе сходства ей съ лѣснымъ царемъ. Долго стоялъ я у самаго берега моря и любовался величественною панорамою природы; здѣсь, кажется, сосредоточились всѣ живописные предметы, которыхъ въ другомъ мѣстѣ напрасно ищетъ художникъ, желая придать своему ландшафту грозную и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательную прелесть. Чудное море заключено въ раму скалистыхъ береговъ, среди его Медвѣдь-гора, въ сторонѣ у скалъ великолѣпный домъ, за нимъ новая скала и въ перспективѣ спитется даль, у ногъ яркая зелень растеній и виноградниковъ обвиваетъ ближніе предметы, а надъ всѣми этими кра-

сотами природы, чистое южное сапфирное небо. Ландшафтъ утопленъ въ сладострастной негѣ воздуха, нагрѣтаго золотистыми лучами солнца, освѣщающаго всю картину. Вотъ эскизъ Ламбата.

Прежде всего хотѣлъ было я взойти на Аю-дагъ, который, кажется, чрезвычайно близко лежитъ отсюда и удивился услышавши, что отъ берега онъ отстоитъ болѣе 20 верстъ. Оптическій обманъ скрадываетъ по водѣ истинное разстояніе его отъ Ламбата.

Насладившись морскимъ видомъ и отдохнувши подъ тѣнью виноградника, я началъ взбираться на возвышенность Ламбата: съ цѣлью посѣтить то мѣсто которое по указанію даже современныхъ историковъ, существуетъ болѣе двухъ тысячелѣтій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первые, обитатели этого горнаго мѣста, были греки; самое названіе Ламбатъ или Лампасъ, означающее свѣтильникъ, факелъ или, просто, какъ и мы заимствовали отъ грековъ это слово, лампада, подтверждаетъ это мнѣніе, поводомъ-же къ такому названію этого мѣста, легко можетъ быть послужили безчисленные огни рыболововъ, пылающіе по ночамъ въ заливѣ. Я видѣлъ Ламбатъ ночью, прельщался тысячими огней, блиставшихъ на лодкахъ рыболововъ и не назвалъ бы этого мѣста иначе какъ Лампасъ.

не зная, что это имя дано ему назадъ тому тысячу лѣтъ.

Изъ Ламбата я проѣхалъ въ деревню Партенитъ, которая, какъ полагаютъ историки была мѣстомъ рожденія Св. Іоанна, Епископа Готѳскаго, жившаго въ 1050 году. Партенитъ хорошенькая деревня богатая виноградниками; въ отношеніи древнихъ развалинъ она не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго, развѣ только одно урочище Вигла, то есть мѣсто стражей или караула; названіе это доказываетъ, что въ этомъ урочищѣ былъ въ древности наблюдательный постъ. Недолго оставался я нынѣ въ забытомъ лѣтописями Партенитѣ, а нѣкогда бывшемъ, можетъ быть славнымъ мѣстомъ. Партенитъ я прошелъ тихо и вышедши на покатость сѣлъ на малорослую татарскую лошадь и поѣхалъ съ двумя татарами къ горѣ Аю-дагу, до которой отсюда было часъ пути.

Медвѣдь-гора далеко выдалась въ море, изъ котораго она подымается крутыми обрывистыми скалами, со всѣхъ сторонъ обросшими деревьями и тѣнистыми кустарниками. Надъ уровнемъ моря, по измѣренію французскаго инженера Шатильена, Аю-дагъ возвышается на 274 сажени.

Узкая тропа, извиваясь изъ Партенита, вела насъ къ Аю-дагу; тропа эта со всѣхъ сторонъ обросла густыми и довольно высокими кустарниками; часто мы спускались въ глу-

бокія разсѣлины и тогда надъ нами небо закрывалось кустами и прохладная тѣнь провожала насъ до первыхъ громадныхъ камней, лежащихъ одинъ на другомъ и мы съ трудомъ должны были взбираться на нихъ, подымаясь все выше и выше къ макушкѣ горы; часто дорогу нашу преграждалъ горный ручей, который то едва струился и исчезалъ подъ вѣковыми камнями, то ниспадалъ внизъ величественнымъ каскадомъ и терялся въ узкой воронкѣ горной разсѣлины, и тогда отъ паденія его слышался одинъ только глухой шумъ. Большая часть этихъ ручейковъ появляется послѣ сильнаго дождя, продолжающагося нѣсколько дней сряду. Ручьи эти также скоро исчезаютъ, какъ и появляются. Сегодня путь нашъ на вершину Аю-дага преграждалъ широкій и быстрый ручей, а завтра, если-бы вы захотѣли вновь взобраться на вершину, то вѣроятно не нашли-бы уже и слѣда его.

Почти на полъ-пути къ вершинѣ Аю-дага, когда мы оставляли за собою конечныя горныя жилища татаръ, принадлежащія къ деревнѣ Партенитъ, проводники указали мнѣ едва замѣтные слѣды развалинъ; одинъ татаринъ сказалъ мнѣ, что если вѣрить преданію, то на этомъ очаровательномъ мѣстѣ, нѣкогда существовалъ греческій монастырь Константина и Елены, котораго любители древностей ищутъ на самой вершинѣ горы. Судя по живописи, уединенію и удобству

мѣста легко можетъ быть, что указанныя мнѣ развалины принадлежали древнему греческому монастырю, но это одно предположеніе и ничего вѣрнаго. Вокругъ развалинъ разбросано множество черепицы и обломковъ разныхъ глиняныхъ сосудовъ; здѣсь я сыскалъ двѣ небольшія стклянки, совершенно уцѣлевшія; время повредило только наружную сторону стекла и изъ прозрачнаго свѣтло-голубаго превратило его въ темно-синій матовый цвѣтъ.

На самой оконечности горы, выдававшейся въ море и въ сторонѣ отъ кучъ щебня и разбросанныхъ камней видны другія развалины : четыре толстыя каменныя стѣны нѣкогда существовавшаго зданія, онѣ и по нынѣ еще стоятъ нерушимо; вышина ихъ гораздо болѣе сажени, на верху поросли кустарники, толстыя каштаны и орѣховыя деревья; основаніе рунъ обвиваетъ плющъ и пурпурные цвѣты горной повилики; въ отдаленности же эти вѣковые остатки минувшаго съ обвившею ихъ зеленью красуются предъ взоромъ путешественника изящною эмблематическою виньеткою.

Я спѣшилъ скорѣе взобраться на самую вершину Аю-дага и не смотря на усталость не хотѣлъ оставить безъ обозрѣнія древнѣйшаго укрѣпленія, находящагося на Аю-дагѣ. Чудные виды развертываются предъ путникомъ, достигшимъ престольной вершины Аю-дага, въ одно время на пространной пано-

рамѣ обнимаетъ окъ взоромъ самыя отдаленныя вершины горы, у подошвы его клокочетъ безбрежное море, по сторонамъ рисуются Кастелъ, Ламбатъ, Гурзуфъ и другія горныя укрѣпленія. Смотря внизъ видишь ничтожныя жилища, кой-гдѣ пасущихся лошадей, кой-гдѣ дикую козу, перескакивающую съ камня на камень. Прельщаясь этою живописью мѣста, невольно сознаешь въ душѣ величіе Самодержца вселенной... По срединѣ вершины уцѣлѣли остатки укрѣпленія; каменная стѣна изгибается правильнымъ полукружіемъ, два конца ея примыкаютъ къ неприступной стремнинѣ, она сложена изъ огромныхъ плитъ дикаго камня, кладенныхъ безъ цемента; внутри укрѣпленія по направленію стѣны въ равномъ разстояніи были устроены небольшія бойницы; основанія нѣкоторыхъ изъ нихъ и доселѣ еще видны. Теперь на обломкахъ этихъ нѣкогда неприступныхъ твердынь поросли вѣковыя деревья; сѣрый мохъ покрылъ дикіе камни, какъ-бы въ доказательство ихъ сѣдой древности. Настоящіе обитатели этихъ прелестныхъ поэтическихъ мѣстъ горные коршуны, свивающіе гнѣзда въ щеляхъ камней, трусливые зайцы, укрывающіеся подъ основанія развалинъ, вѣчныя враги ихъ, съ которыми ведутъ коршуны непримиримую войну. На вершинѣ Аюдага въ задумчивости сидѣлъ я болѣе часа, опершись на обросшій мохомъ дикій камень, отвалившійся нѣкогда отъ края непристуи-

ной стѣны; воображеніе переносило меня въ давно минувшіе вѣки и я въ тѣ минуты жилъ и бесѣдовалъ съ народомъ, который обиталъ здѣсь назадъ тому тысячу лѣтъ, если не болѣе; обаятельная сила воображенія очертывала дивныя событія древняго міра, повторявшіяся предъ моими глазами, какъбы на самомъ дѣлѣ. И сколько волнъ клубилось въ то время по безбрежному пространству моря, плескавшагося у подошвы Аюдага, на которое смотрѣлъ я и мечталъ, столько-же промелькнуло мыслей въ головѣ моей? гдѣ все минувшее? спрашивалъ я тогда самъ себя и грустнымъ взоромъ окинулъ окрестности. Гдѣ жизнь и слава народовъ обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ? Этотъ вопросъ повторялъ я предъ каждою сѣдою развалиною, но развалины безмолвствовали. Волны морскія, клубившіяся въ дни жизни этихъ народовъ и носившія корабли ихъ по хребтамъ своимъ, какъ и волны времени давно уже промчались въ бездонную пропасть забвенія и ничто теперь не напомнитъ и не разскажетъ мнѣ тысячелѣтнюю повѣсть о судьбѣ древнихъ народовъ. Твердыни, эти башни, храмины и громадные обломки, прежде нерушимые силою человѣка напомнятъ путешественнику одно многозначительное изрѣченіе: memento mori. Въ этихъ-то плѣнительныхъ мѣстахъ минувшее и настоящее, какъ мракъ и свѣтъ, какъ смерть и жизнь борются между собою и каждый предметъ,

на который только посмотришь живетъ двумя жизнями—минувшею и настоящею... Но повторяю, это минувшее для насъ темнѣе мрака, безмолвнѣе смерти, а настоящее грустное, забытое всѣми...

Свѣточъ исторіи, какъ бы онъ ни былъ блистателенъ, не освѣтитъ непроницаемаго мрака тысячелѣтій и если проведетъ насъ по тайнымъ, мрачнымъ и узкимъ переходамъ столѣтій, канувшихъ въ бездну вѣчности, то среди этой страшной бездны онъ погаснетъ и мы останемся во мракѣ собственныхъ своихъ изысканій...

Я оторвалъ взоръ мой отъ сѣдой развалины Аюдагскаго укрѣпленія, гикнулъ на татаръ, дремавшихъ подъ тѣнью куста и мы начали спускаться въ Партенитъ.

У подошвы горы мы перемѣнили лошадей и быстро поскакали по береговой дорогѣ въ Гурзуфъ. Мысли мои разсѣялись, когда началась узкая дорога, извивающаяся между пропастью моря и обрывистыми скалами, которыя, кажется, на каждомъ шагу готовятся на насъ свалиться. Этотъ путь продолжительнѣе прежняго пути въ Ламбатъ, гдѣ опасность на каждомъ шагу и здѣсь мы то ползли на стремнины, то слѣзали съ обрывистыхъ камней къ прибою волнъ и если-бы въ ту минуту, когда мы спускались внизъ по извѣстной стремнинѣ, нахлынулъ прибой волнъ, то не миновать-бы намъ морской бездны.

Осмотрѣвъ на пути ландшафтные остатки генуэзской крѣпости и среди нихъ, можно сказать, оставшійся оставъ круглой башни, обведенный толстою каменною стѣною, спускающуюся по раздвоенной скалѣ въ море, чрезъ которую перекинутъ мостъ, кажущійся кое-какъ сложеннымъ изъ дикихъ неотесанныхъ камней, которые непремѣнно низвергнутся въ разсѣлину, когда только путникъ ступитъ на него, но мостъ много вѣковъ стоитъ нерушимо. Въ полдень усталые и изнеможенные, кое-какъ дотащились мы въ Гурзуфъ; пріятное мѣстоположеніе этого укрѣпленія, построеннаго въ VI вѣкѣ по повелѣнію Юстиніана, остатки котораго видны еще и въ настоящее время на сѣверной сторонѣ скалы, на которую подымался я, проходя по разсѣлинѣ, раздѣляющей скалу на двѣ части; съ южной стороны скала совершенно неприступна; кучи дикихъ камней, поросшихъ мхомъ и кустарниками обозначаютъ мѣсто нѣкогда неприступной твердыни; у подошвы скалъ раскинуты татарскія хижины; они то рисуются подъ густою зеленью деревьевъ, то выказываются изъза громадныхъ камней.

За скалами древняго Гурзуфа, спустившись съ ближайшей высоты горной дороги къ морю, открывается видъ прекраснаго дома, принадлежавшаго нѣкогда Дюку де-Ришльё; за домомъ по покатости горы раскинутъ англійскій садъ, богатый деревьями юга;

море подмываетъ утесистый берегъ, на которомъ зеленѣетъ садъ; здѣсь столѣтнія ивы, укоренившіяся въ разсѣлинахъ камней, склонились къ самымъ волнамъ, какъ будто бы для того, чтобы пріятною зеленью развѣсистыхъ вѣтвей приманить взоръ путника, посѣтившаго это мѣсто; здѣсь, кажется, кокетство есть достояніе природы, а не женщинъ, которыхъ рѣдко встрѣтишь; восточный обычай содержать ихъ въ неволѣ, досихъ-поръ существуетъ во всей силѣ между татарами, а татары, эти тощіе, малорослые и безобразные люди, кажется, нарочно поселились здѣсь, какъ-бы въ насмѣшку минувшимъ обитателямъ, которыхъ мы пріучились воображать гигантами; татаринъ жалокъ предъ прекрасной и роскошной южной природой и смотря на нее и на слабаго татарина невольно убѣждаешься, что случай изъ дальнихъ странъ навѣялъ сюда это племя.

Меня чрезвычайно привлекала къ себѣ деревня Никита, извѣстная своимъ садомъ, о которомъ еще въ Лицеѣ пріучился я мечтать, читая въ хрестоматіи описаніе его, взятое изъ путешествія по Тавридѣ въ двадцатомъ году Муравьева Апостола. Деревня Никита и за нею садъ расположены на скалистомъ берегѣ, далеко вдавшемся въ море. Отдохнувши въ деревнѣ, славящейся своимъ пѣнистымъ виномъ, мало уступающимъ шампанскому, я въ сопровожденіи какого-то другаго путешественника лѣтъ пятидеся-

ти, пріѣхавшаго искать здѣсь древнихъ греческихъ богинь и храмовъ построенныхъ въ честь ихъ, поѣхалъ по узкой тропѣ, извивающейся сначала между скалами, а потомъ въ густотѣ вѣковаго лѣса, гдѣ она обрывисто опускается къ морю. Не мудрено, что лѣсъ, среди котораго мы ѣхали довольно долго, очаровалъ Муравьева; въ самомъ дѣлѣ, какъ живописно не представлялъ я себѣ красотъ его, но они дѣйствительно превзошли всякую воображаемую прелесть; въ Малороссіи я видѣлъ вѣковые дубы въ три обхвата, въ Крыму я прельщался рѣдкою красотою деревьевъ, но Никитскій лѣсъ все превосходитъ; не много поотдаль отъ узкой дороги, по которой пробирались мы, въ чащѣ этого лѣса ростетъ огромный дубъ; середина его отъ корня выгнила и въ этомъ не дуплѣ, а скорѣе пространной бесѣдкѣ ростетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ кленъ, достигшій значительнаго объема; толстыя вѣтви его поддерживаютъ вѣковаго старика, свѣтлая зелень широкихъ кленовыхъ листьевъ мѣшается съ густою зеленью дубовыхъ вѣтвей; шагъ впередъ и новая группа деревьевъ совершенно въ другомъ видѣ прельщаетъ васъ; здѣсь тысячи прекрасныхъ картинъ деревьевъ и зелени и когда проѣзжаешь эти мѣста, то подумаешь: вотъ гдѣ царство для любителя писать картины деревъ.

Изъ лѣса подъѣзжаете къ саду располо-

женному по уступамъ на самой оконечности скалы, далеко выдавшейся въ море.

Прельщенный дикою красотою живописнаго вѣковаго лѣса и заранѣе приготовленный пышнымъ описаніемъ Муравьева, я мечталъ найти въ Никитинскомъ саду осуществленныя красоты садовъ, которыя раздаются восточными поэтами въ обиталище волшебнымъ красавицамъ, но ожиданія мои не сбылись; здѣсь повторились тѣ же виды и тѣ же красоты природы, какія встрѣчалъ я доселѣ почти на каждомъ шагу въ Крыму и къ сожалѣнію еще эти красоты здѣсь скучны, блѣдны и однообразны; справедливо, что въ саду ростетъ много различныхъ деревьевъ юга, что расположеніе его по уступамъ, сходящимъ къ волнамъ моря, довольно живописно, но все однако-же не въ такой степени, какъ воображалъ я, прочитавши описаніе Муравьева; въ глазахъ его и обвалившаяся ничтожная хижина садовника и плохо устроенныя оранжереи казались изящнѣйшими зданіями.

Читающій эти строки да не разочаруется и не вообразитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ Никитскій садъ не имѣлъ ничего замѣчательнаго; нѣтъ, я этого не говорю; много найдетъ здѣсь путешественникъ пріятнаго и удивится миртамъ и кипарисамъ, высоко и привольно выросшимъ по уступамъ сада; виноградъ, южная павилика и по мѣстамъ въ чащѣ сада широколиственные папоротники вьются и

ростутъ у корней столѣтнихъ деревъ. Обозрѣвши садъ, сходивши и восходивши по уступамъ, я посѣтилъ богатыя оранжереи, наполненныя прекрасными растеніями южныхъ странъ и даже тропическими; здѣсь показывали мнѣ большую коллекцію прекрасно растущихъ виноградныхъ лозъ и сообщили, что въ саду собраны почти всѣ роды винограда; южный, можно сказать жаркій климатъ чрезвычайно способствуетъ разведенію здѣсь лучшихъ лозъ.

Изъ Никиты я выѣхалъ на другой день. Заходомъ и восходомъ солнца любовался я, стоя на уступѣ въ саду, склонившемся къ самому морю; надъ головою разстилались густыя вѣтви кипариса и закрывали часть ярко-голубаго неба; при восходѣ и заходѣ море изъ обычнаго темно-синяго цвѣта покатило сначала пурпуръ, а потомъ золотые валы его смѣшались съ сѣдою пѣною и вечеромъ эта пѣна казалась жемчужнымъ каскадомъ, утромъ жемчугъ превратился въ чисто золотыя искры; благоуханіе воздуха райское; тяжелыя думы и даже черная грусть, если она до этого гнѣздилась въ сердцѣ посѣтителя, здѣсь разсѣеваются; мечты навѣваютъ на душу отрадное спокойствіе и сладострастная нѣга южнаго вечера располагаетъ его къ отрадному сну.

Дорога въ Ялту лежала черезъ Магарачъ и этотъ путь также очаровательенъ и также опасенъ и труденъ какъ и прежній; пяти-

десяти шаговъ пельзя сдѣлать по ровному мѣсту, вездѣ скалы и бездна, то взбираешься на вершину, то спускаешься въ пропасть, нѣсколько шаговъ ѣдешь то по песку, то по водѣ, то въ тѣни между кустовъ, то въ каменныхъ разсѣлинахъ; виды также разнообразны и живописны; здѣсь очертятся предъ вами изъ скалистой остроконечной вершинѣ развалины Палеокастровскаго укрѣпленія, тамъ протянется зеленая ялтинская долина, въ сторонѣ ущеліе горъ, обросшее большими соснами, вдали море, чудное море; въ синѣющей отдаленности мелькнетъ высокая бѣлая Оріандская башня, то опять скроется за утесами и зеленью и мысли невольно летятъ въ даль.

Ялта небольшой городокъ, оживленный торговлею; весьма удобная пристань почти всегда наполнена судами; пароходы безпрестанно то приходятъ, то отходятъ; они заѣзжаютъ въ Ялту, слѣдуя изъ Керчи въ Одессу, или обратно. Хорошенькіе чистые домики, двѣ гостинницы, прекрасныя лавки, въ нихъ найдете все нужное, если не для роскошной, то для спокойной жизни.

Ялта также весьма древнее поселеніе; на Ялтинскомъ мысѣ, по мнѣнію изыскателей древностей, нѣкогда существовалъ монастырь св. Іакова; я посѣтилъ мысъ, но кромѣ небольшихъ возвышеній, покрытыхъ дерномъ и кустарникомъ, не нашелъ никакихъ слѣдовъ развалинъ.

Впереди ожидало меня новое восхищеніе; оставшись на нѣсколько часовъ въ самой Ялтѣ, я хотѣлъ было не дождавшись урочнаго часа летѣть въ Учапъ-Су и можетъ быть перемѣнилъ-бы свое намѣреніе если-бы не помѣшали мнѣ въ этомъ проводники мои, долго не приводившіе лошадей. Часу въ третьемъ по полудни я оставилъ Ялту.

По дорогѣ къ Учанъ-Су, невдалекѣ отъ Ялты, по лѣвой сторонѣ еще издали черпѣются безобразныя развалины укрѣпленія; по-мѣрѣ приближенія къ этому мѣсту, привлекательному дикостью своего очертанія, развалины безпрестанно измѣняются и когда поровняешься съ этими вѣковыми остатками, то удивленному взору представятся руины высокихъ стѣнъ и гигантскія ворота; арка ихъ вышиною болѣе трехъ саженей;кажется, этотъ проходъ сдѣланъ для гигантовъ, обитавшихъ въ Тавридѣ назадъ тому нѣсколько тысячъ лѣтъ; громадная вышина воротъ подавляетъ собою окружающія ихъ скалы, а толстыя, столѣтнія и высокія сосны кажутся предъ ними также малыми, какъ пигмеи предъ великаномъ. Сквозь арку вдали черною стѣною тянется лѣсъ, онъ покрываетъ скаты горъ, окружающихъ ворота; не въ храмъ-ли какого либо древняго греческаго божества вели эти ворота и кто создалъ эту тысячелѣтнюю твердиню? такіе вопросы приходили на мысль въ то время, когда стоялъ я на этой скалѣ и удивлялся громад-

нымъ развалинамъ, но никакой предметъ и никакое обстоятельство не разрѣшатъ съ точностью этихъ вопросовъ; напрасно путникъ будетъ искать надписи на аркѣ воротъ, напрасно обойдетъ пространство, бывшее подъ гигантскими постройками, къ которымъ велъ этотъ входъ, нигдѣ не найдетъ онъ ни остатка архитектурнаго украшенія, ни тѣмъ болѣе уцѣлѣвшей надписи, которая открыла бы ему тайну минувшаго.

Идешь впередъ и новое зрѣлище поражаетъ взоръ: съ вершины скалы съ страшнымъ шумомъ низвергается обильною струею ручей; эта свѣтлая кристальная струя падаетъ съ сорока саженной высоты на отвѣсную скалу стоящую внизу и превращаясь въ водяную пыль летитъ въ бездну, на пути встрѣчаетъ еще одну скалу и вновь раздробляясь исчезаетъ во мракѣ пропасти и только эхо долетаетъ къ вершинѣ; невольно родилась въ душѣ моей мысль о суетности человѣка. Взбираясь ползкомъ на вершину скалы по отвѣсной стремнинѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь острыя иглы и шишки сосенъ, препятствующія подыматься къ верху и достигши съ великимъ трудомъ вершины, я сѣлъ близь водопада и задумался; величественная картина дикой природы расположила меня къ мрачнымъ мечтамъ; я смотря въ бездонную пропасть, въ которую низвергался шумный водопадъ уподоблялъ ему мишурную славу знатныхъ и богатыхъ...

Казалось мнѣ, что въ тѣ минуты я былъ истиннымъ поэтомъ и не доставало только сладкозвучной лиры древняго греческаго пѣвца, чтобы я брякнулъ по струнамъ...

Время быстро мчится, кажется, быстрѣе этихъ серебряныхъ струй, низвергающихся въ бездонную пропасть; не хочешь разстаться съ этимъ мѣстомъ оно какъ будто бы чародѣйскою силою приковываетъ къ себѣ посѣтителя и невольно подумаешь, что въ этой пропасти обитаютъ сонмы Дріадъ, Нереидъ и Ореадъ, таинственно дѣйствующихъ на сердце путника, жалѣющаго оставить это волшебное мѣсто.

Когда я сходилъ съ вершины скалы, то пламенно желалъ, чтобы еще разъ въ жизни довелось мнѣ вскарабкаться на ея темя, взглянуть на развалины и водопадъ и еще сладко погрустить.

Оставивши Учанъ-Су, я пробрался въ Оріанду по весьма тѣсной тропѣ, которая то извивалась между развалинами укрѣпленій, то входила въ природныя разсѣлины скалъ, прикрытыхъ сверху отрадною во время зноя тѣнью густыхъ кустовъ.

Оріанда принадлежала покойному Императору Александру; посѣщая послѣдній разъ это мѣсто, онъ хотѣлъ здѣсь построить для себя дворецъ, но желаніе его не исполнилось вскорѣ смерть исхитила изъ этого міра Благословеннаго; Государь Императоръ Николай Павловичъ мѣсто это подарилъ Госуда-

рынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Здѣсь природа и картины ея совершенно оригинальныя и не знаю есть-ли гдѣ живописнѣе мѣсто, которое-бы такъ привлекало дикостью своею какъ это; грозные виды, удивляющіе васъ странною игрою природы встрѣчаются на Альпахъ, на Кавказѣ, на сѣверѣ и на югѣ, но тамъ вы удивляетесь грозной дикости, здѣсь напротивъ того прельщаетесь ею и какое то тихое, отрадное спокойствіе льется въ душу вашу.

Новый прекрасный дворецъ, красующійся въ Оріандѣ, принадлежитъ Императрицѣ; за нимъ горныя мѣста также носятъ имя Оріанды.

Проѣхавши Оріанды, ибо ихъ три, прежняя картина, какъ будто бы въ волшебной діорамѣ, смѣняется новою видописью мѣста; тѣ же самыя скалы, тѣ же утесы и лѣса, та же природа, но въ другомъ видѣ; это происходитъ отъ того, что береговая дорога за Оріандой въ Алупку вдругъ измѣняетъ свое направленіе; прежде она извивалась къ югу, теперь уклоняется на западъ; набережная дорога здѣсь еще болѣе съуживается и въ самомъ началѣ пути боишься сдѣлать шагъ впередъ, страшась свалиться въ бездну. Впереди высунувшаяся скала надъ Алупкою направляетъ путь на полдень и проѣхавши по этому направленію нѣсколько шаговъ видишь новую картину: живописная Ялта, очертываясь на темномъ сапфирѣ неба ос-

трыми утесами, освѣщенными яркимъ солнцемъ, представляется взору разноцвѣтною стѣною; краски ея такъ ярки и такъ удачно расположены, что при первомъ быстромъ взглядѣ никакъ не подумаешь, чтобы это былъ не оптическій обманъ; мало, по-малу всматриваешься, поражаешься и удивленіе заступаетъ мѣсто прочихъ чувствъ. На югозападъ береговая линія входитъ въ море тремя мысами, далѣе волнующееся море и чистое небо сливаются вмѣстѣ, какъ бурная жизнь и спокойная смерть.

Обогнувши эти мысы, мы проѣхали мимо развалинъ, чернѣющихся почти на каждомъ шагу.

Близь деревни Гаспры живописно обрисовался пзящный домъ князя Мещерскаго и вслѣдъ за нимъ очертился величественный замокъ князя Голицына; я слышалъ, еще прежде путешествія моего по южному берегу о роскошномъ убранствѣ этого замка и видопнси мѣста, открывающейся съ высоты башень; по этому спѣшилъ за наслажденіемъ, боясь, чтобы по какому-бы то ни было случаю не лишиться его. Въ полдень я былъ уже въ замкѣ и стоялъ у окна въ одной изъ башень и истинно наслаждался дальнею перспективою горъ; въ другой башнѣ три окна съ разноцвѣтными стеклами; смотря сквозь нихъ на поразительныя картины природы, думаешь, что залетѣлъ въ волшебное мѣсто; на воображеніе дѣйствуетъ обаятельная си-

ла невидимыхъ духовъ. Проѣхавъ каменный мостъ и за нимъ нѣсколько небольшихъ татарскихъ деревень, я приблизился къ Алупкѣ; дорога къ ней вьется по взгорью; надъ Алупкою скала Ай-Петри высунулась въ море длинымъ и громадным мысомъ, перпендикулярная высота ея надъ моремъ составляетъ болѣе версты, самая вершина ея раздѣлилась на двѣ утесистыя скалы, необросшія лѣсомъ, съ одной стороны на ней расположенъ садъ рѣдкій, даже и въ тѣхъ мѣстахъ; зачѣмъ не назвали этотъ обширный садъ *Кинь-грусть*? Разнообразіе видовъ, фонтаны, каскады, гроты, павильйоны, скалы, группы различныхъ деревьевъ, нѣга южнаго воздуха, невольно вывѣютъ грусть и мѣсто ея въ сердцѣ займетъ отрадное чувство спокойствія; здѣсь и искуство получило свою долю среди неподражаемыхъ красотъ природы; здѣсь найдете живописные бассейны, озера, окруженныя упоительною тѣнью лавровъ, кипарисовъ и миндальныхъ деревьевъ; въ сторонѣ отъ озера встрѣтится или пещера, изъ которой бьетъ ручеекъ, стекающій внизъ со скалы, или живописная куча дикихъ камней и наверху ихъ, какъ-бы нарочно для большей прелести вида растетъ каштанъ, или земляничное дерево (arbousiers), или цвѣтущій кустъ бѣлой акаціи, наполняющій воздухъ усладительнымъ ароматомъ.

На противоположной сторонѣ у подошвы Ай-Петри красуется замѣчательный по изя-

ществу постройки и по рѣдкости матеріаловъ, индійской архитектуры дворецъ князя Воронцова; нельзя описать его, надобно покрайней-мѣрѣ видѣть вѣрную картину; онъ построенъ на мѣстѣ огромныхъ скалъ, низвергнувшихся съ высоты; съ крыши замка, образующей террасу, на которую всходишь по лѣстницѣ, открывается очаровательный видъ на окрестности, здѣсь видишь море, цѣпь горъ съ живописными склонами и оттѣнками ихъ, ближе деревню Алупку съ уютными татарскими хижинами, покрытыми плоскими кровлями и среди ихъ прекрасную мечеть индійской архитектуры, а въ сторонѣ церковь; съ другой стороны приближаясь къ дворцу, также обнимаешь взоромъ дальнее безбрежное море и на немъ кой-гдѣ едва бѣлѣются паруса; роскошный садъ съ этой стороны спускается внизъ по уступамъ къ самому морю; на возвышенномъ берегу его построено изящное зданіе съ фонтаномъ, окруженное колоннадой; изъ галлереи этого зданія на безбрежное море, открывается новый прелестнѣйшій видъ.

Между садомъ и этимъ чуднымъ моремъ вся отлогость берега усѣяна обломками скалъ и среди нихъ лѣпятся татарскія хижины съ плоскими крышами; ихъ обвиваетъ виноградъ и плющъ, развѣсистые каштаны, лавры, фиговыя, орѣховыя, гранатныя и оливковыя деревья прикрываютъ ихъ прохладною тѣнью.

Въ Алупкѣ я прожилъ подъ гостепріим-

нымъ кровомъ нѣсколько дней, отдохнулъ послѣ моего пути и собравшись съ свѣжими силами пустился въ селеніе Симеисъ, имѣніе принадлежащее Мальцову ик. Мещерскому. Злѣсь растетъ множество различныхъ родовъ винограда; г. Мальцовъ съ успѣхомъ занимается винодѣліемъ. Симеисъ и Алупка составляютъ какъ-бы послѣднюю грань съ этой стороны роскошнѣйшей природы юга; всѣ прочія мѣста не могутъ сравниться съ ними. Обозрѣвши малозначительныя въ настоящее время развалины укрѣпленія Лимены и Буюкъ-Исара я поѣхалъ въ Кикинеисъ, отсюда недалеко отстоящій.

Скалистый береговой путь, начавшійся у Кимеріона, идущій по направленію южнаго берега, съ каждымъ шагомъ становится труднѣе и опаснѣе и наконецъ дѣлается уже почти невозможнымъ на разстояніи отъ Симеиса до Кикинеиса, а за этимъ мѣстомъ нѣтъ уже берегового пути; громадныя скалы входятъ прямо въ бездну моря; въ мѣстахъ этихъ не встрѣтите селеній, хотя природа чрезвычайно обильна дарами; Кикинеисъ послѣднее горное жилище. Кто не путешествовалъ по горамъ, тотъ не можетъ представить себѣ опасности пути моего, повисшаго надъ морскою бездною; въ особенности неизобразимо опасно одно мѣсто, гдѣ скала поверженная на скалу острымъ угломъ образуетъ берегъ, здѣсь тропа такъ тѣсна, что надобно нѣсколько шаговъ ползти надъ самою бездною.

Если-бы съ вершины скатился камень, то и дерзкій путникъ свалился-бы вмѣстѣ съ нимъ въ море и тогда конечно нѣтъ ему спасенія; эти камни преграждаютъ путь на каждомъ шагу; сверху надъ головою висятъ цѣлыя скалы; смотря на нихъ удивляешься, какъ они держатся на такой высотѣ; конечно, что первый вихрь низвергнетъ ихъ въ пучину, но на мѣсто ихъ откуда и какая сила сдвигнетъ другія и вновь прилѣпитъ къ вершинѣ? За этимъ мѣстомъ вдругъ берегъ расширяется, по отлогостямъ скалъ появляются къ нимъ прилѣпленныя хижины и изнемогшій путникъ отдыхаетъ подъ тѣнью дерева, или въ хижинѣ гостепріимнаго рыболова, слушая его восторженныя пѣсни, въ которыхъ онъ прославляетъ безбрежное море и свою спокойную жизнь.

Деревня Кикинесъ была послѣднимъ мѣстомъ пути моего по берегу моря. За нею горы становятся совершенно неприступны и береговой путь прекращается.

Въ недальнемъ растояніи отъ Кикинеса по дорогѣ въ Байдары проводники указывали мнѣ обрушившіяся скалы послѣ сильнаго землетрясенія бывшаго здѣсь въ 1786 году; у подошвы этихъ скалъ и по скатамъ была расположена татарская деревенька; скатившіеся камни и песокъ совершенно засыпали ее; обрушеніе было не быстрое; за нѣсколько дней до этого случая сильные подземные удары заставили жителей оставить горныя

жилища и расположиться поодаль въ долинѣ; въ страшный день скалы разорвались и цѣлыя громады камней сдвинулись къ морю; теперь еще въ глубокихъ разсѣлинахъ, образовавшихся послѣ этого мѣстнаго переворота, торчатъ вершины поверженныхъ столѣтнихъ деревьевъ, росшихъ на высотѣ горъ.

Деревня Кучуккоя, какъ и слѣдующая за нею Мухалатка утопаютъ въ тѣнистыхъ садахъ; здѣсь привольно растутъ фиговыя и гранатныя деревья и приносятъ вкусные плоды; о виноградникахъ не буду уже упоминать, здѣсь изобиліе ихъ на каждомъ шагу. За деревнею Мшатки по дорогѣ рисовались прелестныя дачи; я любовался ими и думалъ: зачѣмъ мы не имѣемъ рисунковъ этихъ плѣнительныхъ мѣстъ, они бы поспорили въ красотѣ съ лучшими заграничными видами. Деревня Ласти стоящая на возвышеніи была крайнимъ пунктомъ путешествія Императрицы Екатерины; съ этого возвышенія Императрица долго любовалась картиною моря и живописною панорамою отдаленности.

За обрушившимися скалами дорога идетъ прямо въ горы, къ хребту Яйлы. Съ каждымъ шагомъ во внутрь полуострова удаляешься отъ моря, склонъ воды теряется въ небосклонѣ, а по сторонамъ высокія скалы заграждаютъ и послѣдній видъ на его лазурныя волны.

Въ Байдарахъ были приготовлены для ме-

ня перемѣнныя лошади; отсюда взялъ я одного новаго проводника къ двумъ прежнимъ, не оставлявшимъ меня отъ самаго Алустона. Мы пріѣхали по утесу Яйлы, къ самому Мердвеню, единственному мѣсту сколько нибудь удобному для конной ѣзды, въ другихъ же мѣстахъ къ западу, начиная отъ Эски-Богази Яйла совершенно неприступна; кой-гдѣ только пролегаютъ среди бездны опасныя тропинки, по которымъ рѣдко когда пробирается Байдарскій житель.

Въ довольно широкой горной разсѣлинѣ по обрыву скалы вьется отъ подошвы къ вершинѣ *Мердвень* т. е. каменная лѣстница; по мѣстамъ она чрезвычайно круто поворачивается то въ одну, то въ другую сторону; ступени ея то составляютъ огромные дикіе камни и затвердѣлый извѣстнякъ, иногда осыпающійся, когда лошадь неосторожно ступитъ на нее; въ одномъ мѣстѣ скатившійся съ вершины камень увлекъ съ собою огромную сосну и какъ-бы нарочно положилъ ее почти по срединѣ Мердвеня; сосна растетъ и преграждаетъ горную дорогу; татары говорятъ, что это шутка горныхъ духовъ и съ суевѣріемъ обходятъ сосну, не смѣя прикоснуться къ ней.

Весною, когда дожди бываютъ обильны, Мердвень служитъ мѣстомъ истока горныхъ водъ. Тогда нѣтъ никакой возможности пробраться по этому пути, да и лѣтомъ въ самое благопріятное время, Мердвень крайне

неудобенъ и избираешь его потому только, что онъ единственный въ этихъ мѣстахъ. Лошадей пускаешь впередъ, а самъ слѣдуешь за ними, цѣпляясь по мѣстамъ за валежникъ и камни. Лѣстница эта простирается болѣе полуверсты, безпрестанно изгибаясь то въ одну, то въ другую сторону.

Кончился горный путь, я разстался съ моремъ и съ прелестными береговыми видами.

За Мердвенемъ другіе ландшафты и другая природа; когда за горами еще все цвѣтетъ и благоухаетъ, здѣсь уже осень срываетъ пожелтѣлыя листья съ деревьевъ, зелень увядаетъ и туманы завлекаютъ пасмурными тучами южное небо.

За Мердвенемъ дорога въ Байдарскую долину извивается въ чащѣ вѣковыхъ лѣсовъ; въ одномъ мѣстѣ необыкновенная густота деревьевъ, или страшная пропасть, обросшая деревьями, преграждали путь намъ и тогда мы должны были объѣзжать опасное мѣсто и часто случалось намъ спускаться внизъ по страшной крутизнѣ.

Къ вечеру мы были уже въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. То тамъ, то здѣсь, на широкомъ пространствѣ видѣются деревеньки, селенія и кой-гдѣ среди нихъ возвышаются прекрасные дома, или же красивыя мечети. Изъ горъ въ долину льется множество ручьевъ, почти всѣ они стекаются вмѣстѣ и образуютъ рѣку, извивающуюся по долинѣ. Сама по себѣ Байдарская долина

прекрасна, но въ сравненіи съ видами по ту сторону Яйлы, откуда я пріѣхалъ, краски природы ея блѣдны и какъ ни хороша эта природа, но все она уже не та, что надъ моремъ, за горами.

Выѣхавши изъ Байдаръ, передо мною извивались два пути, одинъ на лѣво въ Балаклаву, другой, нѣсколько въ право, въ долину Чоргуны; мой путь лежалъ на лѣво, я хотѣлъ посѣтить страшныя мѣста въ древности, гдѣ обитали грозные Тавры, приносившіе въ жертву богамъ несчастныхъ мореходцевъ, какимъ-бы то ни было случаемъ попадавшихъ на эти берега. Отъ Байдаръ до самаго Балаклавскаго мыса, входящаго съ одной стороны въ море, а съ другой образующаго узкоустый заливъ, дорога изгибаясь подъгорою, кой-гдѣ, то подымается, то опускается съ горной высоты. Съ правой стороны широкая безпредѣльная долина манитъ путника яркою бархатною зеленью; вдали видишь извивающійся ручей, пригорки и группы деревьевъ; все это невольно напоминаетъ воображенію счастливую Аркадію, но въ этихъ мѣстахъ нѣкогда существовала своего роду Аркадія.

Въ полдень я въѣхалъ въ древній Палакіопъ, то есть въ настоящую Балаклавку или Балыклаву, какъ называютъ ее любители балыка, производя это названіе отъ татарскаго слова Балыкъ-рыба и греческаго лава-братъ; удивительно какое вкусное словопроизведеніе.

Ученые люди въ опроверженіе балыколюбцевъ производятъ названіе этого мѣста отъ имени *Палака* одного изъ сыновей Скилуровыхъ и дорійскаго слова *лава*, что значитъ взятіе: мнѣ кажется, сколько вкусно первое производство, столько скучно второе и кто правъ изъ этихъ господъ словопроизводителей — трудно разрѣшить.

Достовѣрно извѣстно, что Балаклава было одно изъ древнихъ торговыхъ мѣстъ, занятыхъ Генуезцами. Греки въ началѣ 1435 года, ворвались въ укрѣпленіе Балаклавское, истребили большое число прежнихъ обитателей, и съ того времени мѣсто это оставалось въ ихъ владѣніи. Главный начальникъ, предводительствовавшій ими, былъ какой-то *Алексѣй*, благородный грекъ; ему греки поручили власть надъ собою и городомъ.

Во время управленія Александра въ Балаклавѣ построены были храмы, башни, исправлены укрѣпленія, и греки славно зажили, занимаясь весьма прибыточною здѣсь рыбною ловлею, и производя торговлю съ сосѣдними мѣстами.

Имя Алексѣя часто попадалось вырѣзаннымъ на камняхъ; одинъ такой камень испещренъ длинною надписью, на верху ее въ укрѣпленіяхъ изсѣченъ съ лѣвой стороны крестъ, въ правой половинѣ двуглавый орелъ а посрединѣ кудрявый вензель благороднаго Алексѣя.

Сорокъ лѣтъ греки жили въ Балаклавѣ, потомъ въ 1475 году, мѣсто это поступило во власть Турокъ. Въ послѣдствіи Крымскіе ханы назначили ее мѣстомъ заточенія важныхъ преступниковъ: ханъ Сеинъ-Гирей, по словамъ Карамзина, заточилъ здѣсь брата своего Сеитъ-Гирея, бывшаго царя Казанскаго. Въ послѣдствіи времени какъ и для всего такъ и для Балаклавы, послѣ золотыхъ и серебряныхъ вѣковъ, насталъ вѣкъ желѣзный, а потомъ глиняный, а въ настоящее время, кромѣ однихъ ничтожныхъ развалинъ древнихъ укрѣпленій ничего не осталось отъ прежнихъ вѣковъ.

Въ настоящее время Балаклава по большей части населена греками, потомками тѣхъ, которые въ 1740-мъ г. перешли на нашу сторону, во время пребыванія нашего флота въ Архипелагѣ; татары вообще не любятъ грековъ и называютъ ихъ *арнаутами*.

Въ самомъ началѣ поселенія въ Балаклавѣ Архипелагскихъ грековъ, оставившихъ женъ своихъ въ прежнихъ мѣстахъ, начали они подобно римлянамъ, похищать въ сосѣднихъ городахъ жидовокъ и татарокъ, потому что только одни достаточные изъ нихъ находили себѣ женъ изъ гречанокъ; это-то послужило къ неприязненному расположенію татаръ къ поселенцамъ.

На третій день, по обыкновенію моему, до восхода солнца выѣхалъ я изъ Балаклавы въ долину Чоргуны, направляясь къ татар-

ской деревнѣ, этого же имени. Чоргуна показалась мнѣ болѣе пріятною Байдарской долины; здѣсь чаще встрѣчаются домики и одинъ изъ нихъ восточный архитектуры привлекъ мое вниманіе; передъ этимъ изящнымъ домомъ устроенъ прекрасный бассейнъ, одѣтый дикимъ камнемъ. Высокія пирамидальные тополи окружаютъ источникъ чистой и студеной воды. Немного въ сторону отъ дома возвышается осьмигранная башня; вокругъ ея поросли зеленые кусты акаціи, фиговыя и орѣховыя деревья; напротивъ дома зеленый холмъ и на немъ по отлогостямъ бѣлѣются поэтическіе шатры поселенныхъ здѣсь цыганъ.

Чоргунская долина принадлежала ханамъ изъ дома Гиреевъ. Проѣзжая эти мѣста въ воображеніи раждается множество сюжетовъ для романовъ изъ жизни Крымскихъ хановъ Гиреевъ, изъ которыхъ почти каждый, если вѣрить лѣтописямъ и преданіямъ, владѣлъ очаровательными невольницами, похищенными то въ Польшѣ, то въ Малороссіи, то въ Греціи, то въ Грузіи, и почему же не думать если не многія изъ нихъ, то по-крайней-мѣрѣ одна или двѣ, были заключены въ эту осьми-сторонную башню.

Разстояніе отъ Чоргуны до Мангупа проѣхалъ въ короткое время; здѣсь дорога тянется между ущельями горъ и этотъ путь напоминаетъ нѣсколько тропу надъ моремъ. Я спустился внизъ съ отлогой высоты

скалъ и ѣхалъ по руслу ручья, прикрытаго отъ знойныхъ лучей солнца густою тѣнью дикихъ смоковницъ и орѣшника; кой-гдѣ подымался на отвѣсныя вершины, придерживаясь за кусты, болѣе въ воспоминаніе опасности прежняго пути, нежели отъ необходимости. Множество ручьевъ течетъ съ этихъ горъ въ долину; одинъ изъ нихъ струится изъ подъ корня столѣтняго орѣховаго дерева; вода его такъ холодна, что нельзя принудить себя выпить съ разу полъ стакана. Картина русла чрезвычайно живописна; едва вырвавшись изъ подъ корня ручеекъ, какъ рѣзвый малютка, перепрыгиваетъ по камнямъ и досадуя, что они заграждаютъ ему дорогу на каждомъ шагу, шалунъ скатывается въ разсѣлину съ сердитымъ шумомъ и потомъ свѣтлый и игривый онъ вырвавшись изъ подземельнаго мрака вьется по долинѣ, прорѣзывая кристальными струями бархатную зелень поляны.

Чѣмъ ближе къ Мангупу, тѣмъ дорога къ нему болѣе и болѣе становится живописною; но никакъ не подозрѣваешь, чтобы въ этомъ мѣстѣ существовала удивительная своимъ грознымъ величіемъ картина природы. Еще не доѣзжая до Мангупа, по сторонамъ дороги видишь отвѣсныя скалы съ пробитыми въ нихъ узкими отверзтіями, правильно расположенными какъ окна въ домахъ. Въ этихъ скалахъ изрыты обширнѣйшія пещеры служившія нѣсколько вѣковъ назадъ покойными

кельями для греческихъ иноковъ. За деревнею Шула, утопающею въ зеленыхъ садахъ, начинаешь подыматься на Мангупъ; положеніе его необыкновенно живописно; мнѣ кажется, что ни одно мѣсто на берегу Рейна, на Альпахъ и на льдистомъ сѣверѣ не можетъ сравниться съ ужасающею величественностью его. Мангупъ, кажется, виситъ между небомъ и землею; у подножья его неприступная скала, на которую съ величайшимъ трудомъ можно взобраться только двумя тропинками; одна изъ этихъ тропинокъ, извиваясь отъ устья ручья Ай-Тодора пролегаетъ по прекрасной долинѣ, которая, какъ полагаютъ нѣкоторые путешественники, служила дномъ озера, окруженнаго высокими горами. Я пробрался къ Мангупу верхомъ на лошади; отдохнувши въ деревнѣ Коралесъ, здѣсь я встрѣтилъ мой экипажъ, оставленный въ путешествіи по берегу моря за горами. Подымаясь на громадную вершину часто окутанную туманами, или освѣщенную солнцемъ и тогда представляющуюся чалмою свернутою изъ драгоцѣнной восточной шали, встрѣчаешь на пути двѣ или три татарскія деревеньки богатыя прекрасными источниками воды, бьющей изъ древнихъ фонтановъ. Послѣдняя деревня къ Мангупской скалѣ Коджа-Сала лежитъ въ ущельи; надъ нею повисла обвалившаяся стѣна Мангупской твердыни. Къ этому мѣсту и проѣхавши Каджа-Салу, подымаешься по тѣсной и неудобной

тропинкѣ, вьющейся между скалами, со всѣхъ сторонъ одѣтыми лѣсомъ; скалы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ каменную лѣстницу, которая ведетъ къ чрезвычайно высокому и обрывистому камню, повисшему надъ долиною. Взобравшись на эту высоту и смотря внизъ думалъ я: что если бы эта каменная громада обрушилась въ долину? она бы всю ее покрыла; въ такомъ маломъ размѣрѣ представляется съ этой высоты долина. Отсюда уже начиналось укрѣпленіе: каменная широкая стѣна идетъ поперегъ весьма слабо защищеннаго природою ущелья и примыкаетъ другимъ концемъ къ отвѣсной скалѣ этой же горы. Взобравшись нѣсколько выше укрѣпленія находишь двурогія караимскія надгробія. Ущелье, которымъ взбираешься на вершину, приводитъ къ горному ключу, бьющему съ чрезвычайною силою изъ подъ огромныхъ камней; яркая зелень прикрываетъ дѣвственное его русло, до котораго еще ни касалась ни одна дерзкая человѣческая стопа. Съ лѣвой стороны ущелья, поднявшись нѣсколько выше ручья и перелѣзши чрезъ два или три отвѣсные камня, чтобы сократить горный путь, находишь входъ въ пещеру; въ началѣ пространный подземный корридоръ приводитъ въ обширное пространство изрытое въ горѣ; по правую сторону его пройдя узкій проходъ, открывается другое подземелье, среди котораго въ твердомъ известковомъ камнѣ изсѣченъ обширный бассейнъ

для стока и храненія воды; нѣкогда ручей этотъ и пещеры были защищены стѣною и круглою башнею; башня и донынѣ уцѣлѣла. По сторонамъ стѣны, въ разныхъ мѣстахъ устроены оборонительные каменные углы. За башнею и за крайними укрѣпленіями существовали нѣкогда ворота, теперь совершенно разрушенныя; нѣсколько далѣе скала образовала прямой скатъ; здѣсь устроенъ прекрасный фонтанъ; спустившись ниже его видна пространная пещера, но я усталый не могъ посѣтить ее. Макушка Мангупа совершенно неприступна; одною только узкою и чрезвычайно неудобною тропинкою можно съ опасностію вскарабкаться на нее, придерживаясь за кусты дикой оливы и горной ивы; въ лѣво отъ этого мѣста уцѣлѣли остатки древнихъ греческихъ церквей; во внутренности развалинъ видна еще по стѣнамъ греческая живопись; въ Алтарномъ углубленіи, съ восточной стороны, явственно еще видѣнъ образъ Богородицы. Внутри разрушеннаго храма выросло развѣсистое дерево и бузинные кусты; дерево выше самыхъ развалинъ; здѣсь и увлекаешься живописною картиной, и сожалѣешь о забытомъ домѣ Божіемъ.

Далѣе за церковью и мечетью, сохранившейся лучше, нежели христіанскіе храмы, начинается внутреннее укрѣпленіе, состоявшее изъ высокой поперечной стѣны толщиною въ сажень; съ восточной стороны

стѣны построено нѣсколько башень въ видѣ замка; вотъ гдѣ истинно — жилище романическое. Въ стѣнахъ нижняго этажа этого замка сдѣланы просвѣты для ружейной стрѣльбы, а выше ихъ во второмъ этажѣ, замѣтны остатки амбразуръ, служившихъ мѣстомъ, какъ кажется, для большихъ крѣпостныхъ орудій. Изъ замка открывается живописный видъ на окрестности; отдаленность видна на нѣсколько десятковъ верстъ; смотря въ трубу замѣчаешь самыя отдаленныя мѣста и деревни повисшія на скалахъ спящихъ горъ. Спустившись съ этой стороны внизъ по скалѣ находишь новыя пещеры и предъ ними изящно изсѣчены огромные круглые бассейны для храненія воды; каменная лѣстница ведетъ во внутрь довольно обширной подземной залы; потолокъ ея поддерживается по срединѣ четырехъ - угольнымъ каменнымъ столбомъ; по обѣимъ сторонамъ подземелья открываются входы въ другія пещеры; въ одной изъ нихъ вытесано изъ камня широкое сѣдалище въ родѣ восточнаго дивана. Пещеры и переходы продолжаются по всей горѣ, но въ нихъ нѣтъ ничего особенно достопримѣчательнаго; я здѣсь нашелъ весьма большіе кусты окаменѣлаго дерева.

Нѣкогда мангупская твердыня служила мѣстомъ заточенія русскихъ пословъ: въ 1572 году посаженъ былъ въ мангупскую башню одинъ изъ любимцевъ Грознаго Ва-

сплій Грозный, плѣненный крымцами на Молочныхъ водахъ. Грозный жаловался царю на тяжкія муки претерпѣваемыя имъ въ заточеніи и проспдѣвъ въ башнѣ пять лѣтъ былъ выпущенъ въ 1569-мъ г.; Русскій посолъ Аоанасій Нагой со всѣми чиновниками, бывшими въ его свитѣ послѣ трехъ дневнаго угощенія въ Кафѣ пашею Касымомъ также былъ заключенъ въ Мангупскую башню.

Въ лѣтописяхъ читаемъ, что въ 1596 году въ Мангупѣ случился страшный пожаръ; весь городъ до основанія сдѣлался добычею всепожирающаго пламени; послѣ этого Мангупъ пришелъ уже въ совершенный упадокъ и только однѣ крѣпостныя твердыни считались весьма важными и въ то время онѣ постоянно служили главнымъ убѣжищемъ крымскихъ хановъ, которые перевозили сюда своихъ гаремныхъ красавицъ и всѣ богатства.

Въ настоящее время Мангупъ—забытое неприступное поэтическое мѣсто; у подошвы его лѣпятся бѣдныя татарскія деревни; но все же эта величественная скала также громадна и также гордо возноситъ вершину въ небо, какъ и во дни славы и величія древнихъ обитателей и кажется, что она пережившп столько вѣковъ и народовъ, стремившихся уничтожить ея неприступную вершину, сохраняетъ намъ остатки древнихъ укрѣпленій, какъ-бы въ насмѣшку, что человѣкъ слабѣе и кратковременнѣе своихъ собствен-

ныхъ твердынь, которыя онъ, какъ паукъ паутину, разбросалъ въ этихъ мѣстахъ по всѣмъ ущельямъ и высотамъ горнымъ, защищаясь отъ подобныхъ смертныхъ и не думая о своемъ собственномъ ничтожествѣ.

Изъ Мангупа я поѣхалъ въ столицу хановъ Бахчисарай.

Заходящее солнце привѣтствовало меня послѣдними лучами когда приближался я по узкой лощинѣ, охраняемой какъ бдительными стражами двумя высокими утесистыми горами; среди этой лощины очертился поэтическій Бахчисарай съ своими многочисленными мечетями, минаретами, дворцемъ и разноцвѣтными домиками татаръ, раскинутыми въ разныхъ сторонахъ города. Бахчисарай послѣ дневной суеты засыпалъ спокойнымъ сномъ; это его настоящая жизнь послѣ минувшихъ треволненій... Туманъ прозрачною розовою пеленою тихо ниспускался въ лощину и кой-гдѣ уже покрывалъ, какъ чадрою покрывается красавица гарема, плѣнительные сады, мраморные фонтаны, уютные домики, высокіе минареты и прочія зданія; ароматный запахъ бѣлой акаціи и другихъ цвѣтовъ пахнулъ на насъ, когда мы спустились съ высокой горы и приблизились къ величественному зданію ханскаго дворца. Сумракъ окуталъ всѣ предметы; всюду раскинутая густая зелень, казалось еще болѣе увеличивала темноту ночи. Путешественникъ, въ вечерній часъ посѣщающій великолѣпный

ханскій дворецъ, забываетъ дѣйствительность и воображаетъ, что чародѣйная сила занесла его въ сказочный дворецъ, описанный въ тысячѣ и одной ночи; здѣсь каждый шагъ его съ грохотомъ повторяется подъ высокими потолками, украшенными съ азіатскою роскошью яркою позолотою и дивною рѣзьбою; и еслибы захотѣлъ онъ переступить мраморную ограду, отдѣляющую отъ него ароматическую зелень таинственнаго сада, то очарованіе было-бы такъ сильно, что онъ бросился бы искать въ тѣни кустовъ волшебной красавицы. Въ саду сквозь густоту ранъ, тутовыхъ деревьевъ и душистыхъ ивъ, обвитыхъ ярко-зелеными виноградными лозами, обремененными пышными гроздьями, скользитъ золотой лучъ мѣсяца и падаетъ на безмолвные бѣлые столбы гробницъ увядшихъ гаремныхъ женщинъ и проникаетъ, кажется, въ глубь самыхъ могилъ, чтобы блѣдно-серебрянымъ лучемъ освѣтить мракъ ихъ и пробудить дивныхъ красавицъ востока.

Подъ пантіемъ восточной поэзіи, которою здѣсь исполнилась душа, проходя мимо забытыхъ памятниковъ, поставленныхъ перламъ востока — ханскимъ одалыкамъ, посѣтитель мечтаетъ, что видимая имъ картина раскинута передъ нимъ чародѣйною силою волшебницы востока и съ жадностью спѣшитъ наслаждаться ею, полагая, что волшебство въ мгновеніе исчезнетъ и удивляется, что

оно длится; онъ дѣлаетъ шагъ впередъ по тѣнистой аллеѣ сада и новое очарованіе природы поражаетъ воображеніе, въ которомъ родятся тысячи недоумѣній, но онъ скоро увѣряется, что предъ глазами не волшебство, но дѣйствительно повторяются сцены изъ восточныхъ сказокъ.

Утомленное воображеніе жаждетъ отдыха и взоръ, какъ-бы прощаясь съ фантастическою картиною южной ночи въ послѣдній разъ пробѣгаетъ по сторонамъ безмолвнаго ханскаго сада и невольно останавливается на уединенномъ небольшомъ рѣшетчатомъ окнѣ, черпѣющемся на башнѣ, высоко поднявшейся надъ землею; знаете-ли, что это окно сложено для *одной ночи?*.. Да воскреснетъ въ памяти вашей, читатели мои, повѣсть минувшихъ лѣтъ, повѣсть о дѣвѣ-христіянкѣ, томившейся нѣкогда въ этомъ дворцѣ и часто, очень часто изливавшей горячія слезы, воспоминая минувшіе годы, свою далекую родину и близкихъ сердцу...

Въ тѣ дни, когда я посѣтилъ Бахчисарай, дворецъ ханскій былъ совершенно пустъ, огромные покои богато убранные еще до пріѣзда державной путешественницы сохранились безъ всякой перемѣны. Когда проходилъ я высокія залы дворца, пестро разрисованныя и позолоченныя, то мнѣ чудилось, будто-бы я находился въ пространной обители смерти, такъ все здѣсь безмолвно и мертво и такъ все грустно говоритъ серд-

пу о своемъ минувшемъ; изрѣдка это безмолвіе прерывалъ таинственный шумъ фонтановъ, устроенныхъ въ залахъ дворца, въ который вошелъ я съ внутренняго двора, чрезъ парадное крыльцо; это роскошное крыльцо прикрыто тяжелымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ чрезвычайно тонкими изящными колонками; удивляешься какъ онъ не обрушится. Рѣшетчатый фонарь прикрываетъ лѣстницу, онъ украшенъ золотою лупою. Массивная желѣзная дверь выкрашена зеленою краскою и расписана съ азіатскою причудливостью, пестрыми узорами; кой-гдѣ примѣтна еще на ней позолота. На фронтонѣ также изящно украшенномъ арабесками уцѣлѣла арабская надпись, начертанная золотыми буквами: «Величайшій и добродѣтельнѣйшій властитель этой земли и обладатель этихъ вратъ султанъ Менгли-Гирей-Ханъ, сынъ Хаджи-Гирея-Хана. Аллахъ, забудь прегрѣшенія Менгли-Гирея-Хана, его отца и матери, какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни.» Другая надпись пониже первой говоритъ, что дверь эта сооружена въ лѣто 959, по нашему счисленію въ 1551 г. Въ пространныхъ сѣняхъ, искусно выложенныхъ бѣлымъ камнемъ, бьютъ два фонтана: первый изъ нихъ мраморный, украшенный прекрасною восточною рѣзьбою, изображающею розы, другіе цвѣты и фрукты; этотъ фонтанъ называется *золотымъ*; остановитесь передъ нимъ, потому что онъ служитъ началомъ интереснаго поэ-

тическаго разсказа о крымскихъ ханахъ и о великолѣпномъ дворцѣ, въ который мы теперь вступили; преданіе говоритъ, что Каплань-Гирей поставилъ этотъ фонтанъ въ память низверженія своего султаномъ изъ ханскаго владычества; Каплань-Гирей вынуждаемый султаномъ къ жестокостямъ, не повиновался ему и добровольно оставилъ дворецъ. Черта добродѣтели должна быть почтена во всякомъ народѣ, тѣмъ болѣе въ нехристіанскомъ; утолимъ же жажду этою чистою струею добродѣтельнаго хана и произнесемъ имя его предъ этимъ фонтаномъ, который и поставленъ здѣсь для того, чтобы напоминать проходящимъ, что добродѣтель есть лучшее достоинство въ мірѣ.

Нѣсколько далѣе перваго фонтана на-лѣво отъ входа устроенъ другой фонтанъ, названный *Сельсебиль* по имени одной изъ рѣкъ магометанская рая — это фонтанъ слезъ:

Въ Тавриду возвратился ханъ
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна,
Есть надпись, ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода

И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Посѣтитель заранѣе исполнившійся поэтическимъ восторгомъ, родившимся въ немъ по прочтеніи поэмы безсмертнаго Пушкина, приходитъ къ фонтану слезъ читать въ каждой буквѣ надписи, видѣть въ каждомъ рѣзномъ листочкѣ, слышать въ шумѣ каждой слезной капли фонтана повтореніе очаровательнаго вымысла поэта, но здѣсь все безмолвно, все нѣмо и ни одинъ предметъ не подтвердитъ истины прелестной поэмы и поэтическая жажда путешественника остается неудовлетворенною; правда онъ увидитъ бѣлую мраморную доску фонтана съ надписью: «Слава всемогущему Аллаху! Бахчисарай торжествуетъ, утопая въ сіяющей благости лучезарнаго хана Кирим-Гирея. Жажда страны его утолена его всещедрою рукою, которая безъ мѣры льетъ всюду благость, благословенную самимъ Богомъ. Этотъ источникъ чистѣйшей струи также дробится здѣсь щедротами его. Никакая струя иного фонтана не сравнится съ этою струею; а если есть подобный фонтанъ, то все же не сравнится съ этимъ. Дамаскъ и Багдадъ вмѣщаютъ несказанную роскошь въ себѣ, но и тамъ очи смертныхъ не зрѣли такого фонтана. Вдохновенной Шеги начерталъ эти строки. Томимый жаждою захочетъ прочесть эту надпись, и смотря на нее сквозь чистую

струю воды, льющуюся изъ тонкой трубочки, онъ прочтетъ буквы надписи, говорящей ему: утоли жажду этою чистою струею единственнаго въ мірѣ фонтана, она оживотворитъ тебя.»

Буквы послѣдняго стиха заключаютъ въ себѣ число года 1177, по нашему лѣтосчисленію означаетъ 1762 годъ.

Эта надпись даже стороною не говоритъ о томъ, чтобы фонтанъ слезъ былъ поставленъ въ память прелестной Маріи. Мраморная доска надписи окружена изящною рѣзьбою, изображающею цвѣты и плоды; вода льется изъ чашечки, медленно выскакивая слезами; на верху фонтана видите среди украшенія что-то подобное изображенію креста и цвѣтокъ, но едва-ли это крестъ, или по-крайней-мѣрѣ едва-ли онъ вырѣзанъ здѣсь съ цѣлью его ознаменовать, а скорѣе случайность; на второй доскѣ большими буквами начертано имя *Дильяра*; это Марія Пушкина. Догадку мою подтверждаетъ многое: часто среди пестрыхъ украшеній двери или окопъ является надпись обвитая цвѣтами и эта надпись повторяетъ имя *Дильяра*. За ханскимъ садомъ еще и доселѣ находятся развалины осьми-сторонняго памятника поставленнаго надъ прахомъ *Дильяры*. Еще и теперь есть въ Бахчисараѣ старики, которые помнятъ, когда этотъ поэтическій памятникъ былъ въ цѣлости; они говорятъ, что внут-

решность его освѣщенная семью окнами, богато украшенными рѣзьбою на мраморѣ, была обита драгоцѣнною персидскою матеріею, полъ устланъ ковромъ и что вѣроятно ханъ часто приходилъ сюда грустить и плакать надъ прахомъ своей любовницы. Куполъ памятника былъ свинцовый, покрытый яркою голубою краскою и украшенный золотыми полосами, на самомъ верху горѣла двурогая луна.

Путешественникъ въ настоящіе годы, найдетъ на мѣстѣ памятника груды кирпича, черепицы, увидитъ еще окно заложенное кирпичемъ и если бы захотѣлъ проникнуть во внутрь, то кромѣ мусора, гнѣздъ летучихъ мышей и ядовитыхъ пресмыкающихся ничего болѣе не нашелъ бы въ этой обители смерти.

Взойдите по заглохшей аллеѣ сада на природное возвышеніе, находящееся невдалекѣ отъ гробницы Дильяры и отыщите магометанскую молельню, нынѣ опустѣвшую; имя ей *Емиль-Джамее*, то есть мечеть зеленая; въ ней молился Гирей о своей любовницѣ и здѣсь среди украшенія безъ затрудненія отыщите надпись: *Дильяра! Да будешь помилована Аллахомъ!* въ концѣ надписи 1178 эджиры. Мечеть эта, какъ будто бы въ воспоминаніе грядущимъ поколѣніямъ, сохранилась довольно хорошо, внутри ея еще уцѣлѣли деревянныя колонны съ персидскими, ту-

рецкими и татарскими надписями и разныя украшенія, которыя невольно привлекутъ вниманіе затѣйливыми фигурами и пестрою живописью восточнаго вкуса.

Кто была Дильяра, названная Пушкинымъ Маріею? Быть можетъ она была дѣйствительно Марія, переименованная ханомъ Дильярою; но кто была Марія — грузинка, полька, малороссіянка?.. Никто не знаетъ; преданіе говоритъ различно, лѣтописи ничего не говорятъ, лѣтописи не разсказываютъ романовъ и поэмъ; но что Дильяра была первою любовницею Гирея, объ этомъ все здѣсь говоритъ, все напоминаетъ.

Когда я заплатилъ дань воспоминанію минувшаго у поэтическаго фонтана слезъ и проникъ огромныя сѣни, то прежде всего вступилъ въ обширную комнату дворца, освѣщенную въ два свѣта; нижнія окна устроены въ родѣ дверей и когда отворишь каждое изъ нихъ, то три мраморные уступа ведутъ въ цвѣтникъ; верхнія окна цѣльныя, они обложены разноцвѣтными стеклами. Стѣны залы испещрены надписями и украшеніями, состоящими изъ фруктовъ, плодовъ и цвѣтовъ, расположеніе которыхъ также составляетъ цѣлыя восточныя поэмы любви. Эта обширная зала была мѣстомъ ханскаго судилища; здѣсь собирались мудрѣйшіе изъ сановниковъ ханскихъ и разсуждали о дѣлахъ отечества; самъ ханъ присутствовалъ въ залѣ на терасѣ, устроенной въ родѣ хоръ и закрытой

мелкою рѣшеткою. За этой залой открывается небольшой покой, по срединѣ котораго устроенъ изящный фонтанъ; изъ него вода струится по мраморному полу; самая комната освѣщена окнами съ трехъ сторонъ; за окнами видите длинную галлерею, колонны ея обвиты лозами винограда, а пьедесталы ихъ прикрыты кустами махровыхъ розъ, жасминами и душистыми миртами. Да не подумайте, чтобы разведеніе всѣхъ этихъ цвѣтовъ и деревьевъ стоило здѣсь большихъ издержекъ и труда; все это растетъ почти безъ особеннаго присмотра и попеченія. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скрылись ханы, но розы и виноградъ, посаженные еще при жизни ихъ, роскошно зеленѣютъ и цвѣтутъ понынѣ.

Къ пріѣзду Императрицы Екатерины эта комната была особенно изящно убрана, всѣ украшенія ея остались безъ перемѣны и до нашихъ дней: вокругъ стѣнъ поставлены широкіе диваны, обтянутые ярко-красною матеріею, обшитою по концамъ золотымъ позументомъ съ кистями; изъ среди малиноваго потолка, украшеннаго золотою рѣзьбою, спускается къ фонтану изящная люстра; на стѣнахъ сохранена древняя живопись и рѣзьба.

Проходя по комнатамъ, во второмъ этажѣ дворца видишь въ одной изъ нихъ спальню Императрицы; убранство ея также роскошно какъ и прочихъ покоевъ; здѣсь вамъ

покажутъ кровать Государыни, а по стѣнамъ зеркала, парочно выписанныя Потемкинымъ къ ея пріѣзду. Рѣзьба на деревѣ и мраморѣ, затѣйливыя персидскія, турецкія и татарскія надписи встрѣчаются на каждомъ шагу; окна съ разноцвѣтными стеклами, фантастическимъ свѣтомъ освѣщаютъ покои ханскіе. Здѣсь все невольно заставляетъ думать о минувшемъ величіи дворца и жизни хановъ, невольно, такъ выражусь, поэтизируетъ ваше воображеніе и безъ всего этого уже очарованное одною поэмою Пушкина.

Но чтобы еще болѣе воспламенить воображеніе и вспомнить минувшее, я поведу моихъ читателей въ самый завѣтный уголокъ этого великолѣпнаго дворца, въ который въ былые дни, никто изъ сторонніихъ смертныхъ не могъ проникнуть, я поведу васъ въ гаремъ. Не правда-ли, молодые друзья мои, какъ пріятно отозвалось въ ушахъ вашихъ это слово? Взойдемте въ это магометанское святилище, съ улыбкою радости на устахъ и съ чисто поэтическимъ восторгомъ въ сердцѣ и вѣрьте мнѣ, что мы теперь испьемъ изъ фонтана наслажденія болѣе чистую струю, нежели какую пили здѣсь въ минувшее время крымскіе ханы, окруженные своими плѣнницами. Я отношу слова мои не къ матеріалистамъ.

Еслибы это было лѣтъ пятьдесятъ назадъ или болѣе мы прошли бы въ гаремъ изъ дворца узкими переходами, а теперь спустимся

внизъ и пройдя роскошный садъ, въ которомъ невидимо отъ всѣхъ гуляли одалыки и купались въ обширной мраморной купальнѣ, уставленной колоннами, увитыми виноградомъ и закрытой тѣнью миртовъ и жасминовъ, вступимъ въ отдѣльное зданіе; длинная рѣшетчатая терраса приведетъ насъ во внутрь святилища. Пойдемте же; прежде всего вы уже удивляетесь простотѣ отдѣлки какъ террасы такъ и первой комнаты гарема; пройдемте всѣ пять комнатъ гарема и увидимъ вездѣ простоту, запустѣніе и съ какимъ-то грустнымъ впечатлѣніемъ оставимъ это нѣкогда таинственное святилище. Видите-ли въ каждой комнатѣ находятся шкафы въ стѣнахъ, на этихъ полкахъ нѣкогда лежали дорогія украшенія ханскихъ женъ. Помечтаемъ же у этого окна, составленнаго изъ разноцвѣтныхъ стеколъ вѣроятно отсюда глядѣла вдаль не одна красавица, и быть можетъ сидя здѣсь въ тяжкомъ раздумьѣ, плакала о своей далекой родинѣ; быть можетъ здѣсь сидѣла и не одна изъ нашихъ соотечественницъ; но оставимъ въ покоѣ всѣхъ обитательницъ гарема, — онѣ покоятся въ землѣ или въ глубинѣ моря, куда съ высоты башни низвергались онѣ за измѣну своему властителю. Вы удивляетесь, когда я говорю за измѣну и твердо увѣрены, что на востокѣ нельзя измѣнять; не удивляйтесь, милыя читательницы; я разскажу вамъ какъ и на востокѣ умѣли гаремныя прелестницы, что называется

проводить своихъ властелиновъ: властелинъ входитъ въ переднюю гарема и если видитъ у дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты, оставленныя женскія туфли, то онъ не смѣетъ уже, по обычаю востока, войти въ гаремъ и немедленно возвращается; оставленныя туфли означаютъ, что къ какой нибудь изъ одалыкъ, пріѣхала въ гости изъ другаго гарема ея пріятельница. Этимъ обычаемъ нерѣдко пользовались отчаянныя головы татарской молодежи и закрывъ лице чадрою, одѣвшись въ женское платье и туфли, татарскій левъ свободно пробирался сквозь толпы дозорливыхъ евнуховъ и безъ подозрѣнія переступалъ завѣтный порогъ и потомъ неузнанный никѣмъ возвращался прежнимъ путемъ.

Вокругъ гарема обведена высокая каменная стѣна, но къ чему служила она послѣ разсказаннаго мною способа проводить своихъ властителей. Подлѣ гарема, какъ я сказалъ и выше, раскинутъ садъ, нынѣ совершенно запустѣлый и безмолвный.

Я утомилъ бы читателей, еслибы вздумалъ водить ихъ по всѣмъ ходамъ и переходамъ этого дворца-лабиринта; множество галлерей, кіосковъ самыхъ разнообразныхъ, тайныхъ проходовъ, залъ большихъ и малыхъ и другихъ комнатъ, слѣдующихъ одна за другими, лишаютъ возможности все это обойти въ одинъ разъ, обозрѣть все вдругъ. Дво-

рецъ этотъ составляетъ драгоцѣннѣйшее украшеніе почти забытаго нынѣ Бахчисарая; онъ красуется посреднѣ города, со всѣхъ сторонъ окруженъ небольшими домиками и самъ гордо и величественно рисуется среди ихъ; по сторонамъ его два высокіе и тонкіе минарета увѣнчанные луною придаютъ ему чрезвычайную красоту и оригинальность. Снаружи какъ и внутри дворецъ тотъ же лабиринтъ, онъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ зданій, прилѣпленныхъ и взгроможденныхъ безъ всякой идеи. Разнообразіе и причудливость восточныхъ построекъ производятъ сильное впечатлѣніе; нельзя сказать, чтобы совокупность построекъ представляла бы дворецъ безобразнымъ массивнымъ зданіемъ, но напротивъ того это разнообразитъ его и даетъ ему тотъ типическій характеръ, который носятъ на себѣ всѣ изящныя восточныя зданія. Вы встрѣтите здѣсь даже и малѣйшія особенности восточной архитектуры, въ одной части дворца изумитесь изысканною правильностью фасада и въ сторонѣ увидите самыя безхарактерныя постройки. Все это ясно показываетъ читателямъ, что ханскій дворецъ создался не въ одно время, но дѣйствительно въ продолженіе вѣковъ. Теперь многое уже измѣнилось во дворцѣ, нѣсколько зданій совершенно разрушено временемъ и рукою человѣка, многое перестроено, передѣлано и вовсе не походитъ на прежнее; но все однакоже дворецъ сохраняя глав-

ный видъ, дастъ ясное понятіе о прежнемъ своемъ величіи.

Внутренній дворъ, въ который мы входимъ чрезъ длинный флигель, соединяющій большую мечеть съ главною частію дворца, разстилается зубчатымъ многоугольникомъ. На лѣво большая мечеть, главный входъ ея обращенъ ко дворцу, по прекрасно открытой лѣстницѣ можно взойти вверхъ, въ особенный притворъ, гдѣ молились одни ханы. За мечетью начинается ханское кладбище; это расположеніе чрезвычайно характезируетъ востокъ: шагъ впередъ все говоритъ о суетности жизни, шагъ назадъ—видите безмолвіе смерти. Среди кладбища стоятъ двѣ осьміугольныя башни, памятники тщеславія многихъ хановъ. Направо тянутся зданія дворца, въ одномъ изъ нихъ соединяющемся съ переднимъ флигелемъ устроена въ срединѣ чрезвычайно красивая сквозная бесѣдка; здѣсь, въ минувшее время ханы по пятницамъ раздавали народу милости; далѣе высокія каменныя ограды тянутся вокругъ нѣкогда таинственныхъ мѣстъ дворца, а нынѣ почти разрушенныхъ, это я говорю о гаремѣ...

Что сказать о самомъ городѣ, шумномъ и знаменитомъ въ минувшіе вѣки и скромномъ уединенномъ и пожалуй даже забытомъ, въ настоящіе дни; это красавица гарема, отверженная гордымъ повелителемъ и выведенная на распутіе, чтобы каждый проходящій улиналъ ее въ неблагодарности своему властц-

телю; драгоцѣнные уборы ея разорваны хищными руками прохожихъ, прекрасное чело замарано грязью, смѣшанною со слезами самой красавицы; она не вынесла своего позора и наказанная небомъ окончила дни на мѣстѣ прежняго величія. Въ настоящіе дни она ясно пророчитъ такую же судьбу близкому къ ней брату своему, съ которымъ въ минувшіе годы она была тѣсно связана и узами родства, и узами дружбы, и сходствомъ страстей и пороковъ. Братъ болѣе отдаленный отъ сестры устоялъ до нѣкоторыхъ дней, но истерзанный собственнымъ заблужденіемъ скоро и быть можетъ даже очень скоро преклонить гордую сѣдую голову предъ могуществомъ *золотаго щита*, нѣкогда блестѣвшаго на вратахъ его и умретъ для того только, чтобы оживотвориться и начать вновь существованіе подъ благотворнымъ свѣтомъ креста.

Бахчисарай населенъ татарами, по этому-то онъ вполнѣ отличается азіатскою физіономіею. На главной улицѣ татары, армяне и русскіе основали свою торговлю; проѣзжаешь по этой узкой улицѣ и вполнѣ убѣждаешься, что по обѣимъ сторонамъ тянется гостинный дворъ, устроенный по восточному обычаю; здѣсь развиваются всѣ элементы жизни торговцевъ и всего Бахчисарая. Улица эта тянется на пять верстъ; разнообразіе предметовъ поражаетъ взоръ на каждомъ шагу; по сторонамъ улицы вдали видны другіе пе-

реулки и маленькіе татарскіе домики, безъ порядка лѣпящіеся гдѣ и какъ попало. Въ Бахчисараѣ считается до сорока мечетей, представьте себѣ крикъ муэдзиновъ, суетливость торговцевъ въ часы молитвы, посмотрите на дворецъ и на типы жителей, и вы вспомните арабскіе сказки...

Преданіе говоритъ, что Бахчисарай построенъ сорока братьями Татарами, историки не подтверждаютъ преданія, но единогласно говорятъ, что ни время построенія, ни имени основателя неизвѣстно. Восточное предмѣстіе Бахчисарая составляетъ жидовскій городокъ *Чуфутъ-Кале* иначе *Киркоръ*; оно высится на скалѣ, лѣтопись упоминаетъ объ немъ ранѣе 576-го года. За Чуфутъ-Кале находится древнее Караимское, кладбище; тамъ можно видѣть надгробную плиту изъ *песчаника*, съ надписью, которая почти совершенно съѣдена временемъ, однакоже уцѣлѣлъ годъ 1249-й по нашему счисленію.

Обратимся теперь къ древностямъ Бахчисарая; во время пребыванія моего въ этомъ городѣ, я съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ даже простую груду тысячелѣтнихъ камней, оставшихся, быть можетъ, отъ громадныхъ построекъ нѣкогда на томъ мѣстѣ существовавшихъ.

На отдѣльной коническої горѣ, возвышающейся на землѣ Бахчисарая, существуютъ

развалины горной крѣпости *Тепе-Керманъ*. Если вы захотите посѣтить эти развалины, то выѣхавши изъ города будете проѣзжать мимо балки *Сарбеи*, на которой въ древнія времена находилось греческое кладбище и нынѣ ясно видимое по многочисленнымъ каменнымъ надгробнымъ плитамъ. Зная невозможность взобраться на *Тепе Керманъ* въ тяжеломъ экипажѣ, я сѣлъ на лошадь и выѣхавши изъ города, быть можетъ не болѣе какъ черезъ часъ, подымался уже на эту громадную гору; но едва только пагорная возвышенность становилась покатистѣе, я не могъ уже взбираться на вершину съ лошадью и отдавши ее проводнику, молодому Татарину, началъ подыматься вверхъ къ устьямъ пещеръ, которыя явственно очертались предо мною; устья эти обращены къ сѣверу, самыя пещеры расположены въ нѣсколько ярусовъ. Любопытство влекло меня во внутрь пещеръ; долго не соглашались два Татарина, взобравшіеся на гору вмѣстѣ со мною, послѣдовать во внутрь подземелій, обѣщаніе мое дать болѣе денегъ, подѣйствовало на нихъ и въ троемъ мы спустились въ одно довольно узкое отверзтіе, зажгли свѣчи и переступая чрезъ обвалившуюся затвердѣлую глину пробирались по узкимъ переходамъ, вырытымъ въ горѣ; кой-гдѣ переходы разширялись и мы входили въ довольно пространное мѣсто; по стѣнамъ его замѣтны обвалившіяся ниши, наполненныя костя-

ми. Трусливые Татары боялись слѣдовать далѣе, страшась обваловъ; мы возвратились назадъ другимъ проходомъ и вышли чрезъ другое устье. Выше пещеръ находятся развалины древняго греческаго монастыря; опушкою раскинутою по горѣ взобрались мы къ этимъ развалинамъ; осмотрѣвши груды кирпича, остатки колоннъ и пьедесталовъ ихъ, опять я спустился въ горизонтальное отверзтіе, довольно обширной пещеры, въ которой нашелъ хорошо сохранившіеся остатки бывшей церкви; отдѣленіе алтаря ясно обозначается двумя колоннами, нынѣ несуществующими, капители же ихъ висятъ прилѣпившись ко своду пещеры; по правую сторону алтаря видно мѣсто существовавшей нѣкогда гробницы, а немного поотдаль отъ нея, другое съ уцѣлѣвшимъ склепомъ, весьма небольшаго размѣра и надобно полагать, что въ немъ покоится прахъ женщины. По всѣмъ угламъ пещеры разбросаны куски мрамора, кирпича, большими кучами лежитъ мусоръ и изъ него выказываются обломки прекрасныхъ украшеній...

Окинувши взоромъ мрачное пространство этой пещеры, невольно подумаешь: какихъ тяжкихъ трудовъ стоило человѣку вырыть ее въ этой каменной горѣ, и теперь это священное мѣсто запустѣло и забыто всѣми, когда быть можетъ въ минувшіе вѣки, оно служило главнымъ предметомъ удивленія и

прославленія трудовъ и искуства человѣка. Другая мысль возродится въ душѣ вашей, когда вы подходя къ священному мѣсту алтаря, увидите на одномъ уцѣлѣвшемъ кускѣ мрамора изсѣченное изображеніе креста. Кто молился въ этомъ храмѣ, кто создалъ его и чей забытый прахъ покоится здѣсь? Желали бы узнать кому принадлежатъ эти гробницы, но ни надпись, ни преданіе не скажутъ этаго и посѣтитель пожалѣетъ, что это для него остается неизвѣстностію; не должно сожалѣть объ этомъ, вспомнивши, что человѣкъ умѣетъ забывать не только могилы братій своихъ, но и самые храмы Божіи оставляются имъ въ забвеніи и потомъ, черезъ много столѣтій, эти же храмы посѣщаются любопытными, которыхъ болѣе привлекаетъ сюда мусоръ нежели святое мѣсто.

На самой вершинѣ Тепе-Кермана раскинуты развалины бывшаго нѣкогда укрѣпленія; огромные дикіе камни, обросшіе сѣдымъ мхомъ, лежатъ въ безпорядкахъ; усталый, я долго сидѣлъ на одномъ изъ нихъ и любовался привлекательною панорамою мѣстности, очертившейся вокругъ меня.

Я спѣшилъ посѣтить урочище, лежащее на лѣвомъ берегу Качи: долину *Хвитскаго* или по древнему *Качи-Кальенъ;* дорога въ это очаровательное мѣсто была избрана мною мимо мельницъ *Кожъ-Дермена.* Утромъ за

нѣсколько минутъ до восхода, сопровождаемый тремя моими сопутниками Татарами, изъ коихъ одинъ былъ весьма умный человѣкъ и хорошо знающій мѣстность всѣхъ развалинъ, находившихся вокругъ Бахчисарая, вызвался проводить меня мимо фантастическаго камня *Вай-ваяламъ-кая*, съ охотою я принялъ его предложеніе, мы сѣли на лошадей и малою рысью поѣхали къ этому камню. Солнце бросило первые лучи, когда приближались мы къ *Вай-ваяламъ-каю*; здѣсь два камня одинъ повисъ надъ другимъ, нижній вышиною до семи аршинъ, верхній кажется болѣе десяти, онъ какъ будто падаетъ на васъ, проѣзжая мимо его невольно содрагаетесь, боясь его страшнаго паденія. Проѣхавши эти камни, видите вдали гигантскаго роста женщину, сидящую къ вамъ спиною какъ-бы на престолѣ, сначала подумаете не обманъ-ли это? но приближаетесь ближе подъѣзжаете съ боку и все это женщина сидитъ предъ вами; когда же совершенно минуете это мѣсто, образъ женщины превращается въ медвѣдя, лежащаго на спинѣ и грызомаго собакою, отъѣзжаете далѣе и безобразная груда огромныхъ камней представляется взору вашему вмѣсто всѣхъ фантастическихъ образовъ... Мѣста по обѣимъ сторонамъ дороги въ Качи-Кальенъ истинно поэтическія; вы хотѣли бы тысячи измѣненій мѣстности перевесть на бумагу и сохранить для воспоминанія вашего путешествія,

по съ каждымъ шагóмъ впередъ очаровательныя картины природы увлекаютъ васъ далѣе и вы не знаете на какомъ пунктѣ остановить взоръ, какой картинѣ дать преимущество и желая начертить всѣ виды не чертите ни одного.

Проѣхавъ подъ навѣсомъ сѣдой скалы, которую, кажется, сдвинули на гору страшные гиганты, жившіе въ воображеніи древнихъ народовъ, мы въѣхали въ очаровательную долину *святой Анастасіи*, лежащую на правомъ берегу *Качи*.

Предо мною какъ изящная акварельная картина, вынутая изъ драгоцѣннаго альбома, очерталась на возвышеніи церковь святой Анастасіи; я взобрался къ ней и взору моему опять открылись новые виды, совершенно различные отъ всѣхъ прежде встрѣченныхъ мною. Въ первыя минуты я не зналъ на что обратить вниманіе, разсматривать-ли живопись мѣста или обозрѣть развалины; мнѣ хотѣлось-бы остаться на этомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ и только любоваться чудною неподражаемою природою и безпрестанно повторять святое для меня имя Анастасіи. На верху горы ожидало меня опять новое наслажденіе: тамъ находился колодезь Анастасіи. Медленно подымались мы на вершину, останавливаясь почти на каждомъ шагу, чтобы посмотрѣть и полюбоваться вновь открывавшимися видами. Выдвинувшіеся камни, осыпи и

покатость горы, часто не дозволяли намъ оборачиваться назадъ и въ иныхъ мѣстахъ мы цѣплялись ногами и руками за кусты и камни, изъ подъ которыхъ въ одномъ мѣстѣ, выпрыгнули двѣ легкія дикія козы и перепрыгавъ черезъ скалы, быстро скрылись внизу на днѣ горной разсѣлины. Совершенно усталые, кое-какъ взобрались мы на утесистую вершину, къ развалинамъ и черезъ отверзтіе въ стѣнѣ прошли къ скаламъ наполненнымъ разными окаменѣлостями; на одномъ утесѣ изсѣченъ четыре-конечный крестъ. Пройдя мимо этихъ скалъ, обросшихъ бархатною зеленью моха, среди которой пробивается мохъ ярко пунцоваго цвѣта, мы приблизились къ пещерамъ, расположеннымъ въ нѣсколько рядовъ и раздѣленнымъ весьма тонкими каменными простѣнками. Я принудилъ лѣнивыхъ Татаръ показать мнѣ самый колодезь Анастасіи, который Татары называютъ *Сууксу*, т. е. холодный источникъ. Мы вошли въ первый рядъ катакомбъ и не пройдя болѣе восьмидесяти шаговъ обрѣли источникъ чистѣйшей воды; онъ выдолбленъ внутри скалы; утоливъ здѣсь жажду, мы сѣли въ пещерѣ у этого источника; здѣсь я слушалъ преданія, разсказанныя мнѣ Татарами объ этой пещерѣ, источникѣ и самой горѣ. Я вышелъ изъ катакомбъ и подъ вліяніемъ истинно поэтическаго впечатлѣнія, которое на долго останется въ памяти моей, спустился съ спутниками моими въ нижній

этажъ пещеръ,имѣющихъ множество входовъ и выходовъ, обозрѣвая ихъ, на память я вынулъ изъ скалы нѣсколько окаменѣлыхъ раковинъ и взялъ съ собою. Однимъ, почти совершенно обвалившимся проходомъ, мы вышли на вершину горы, отсюда долго взоры мои обозрѣвали дальніе предметы южнаго берега, которыхъ ни перо, ни чародѣйская кисть художника не въ силахъ изобразить. Долго любовался я отсюда картинами природы и когда пришло время оставить ихъ я не безъ сожалѣнія покидалъ эти развалины, но не безъ наслажденія вспоминаю теперь минувшіе дни, когда подвергаясь опасности быть задавленнымъ громадными скалами или обрушиться въ стремнины, посѣщалъ я всѣ замѣчательныя мѣста Тавриды, куда часто теперь летитъ мой мысленный взоръ.

Обозрѣвши Качи-Кальенъ, я опять возвратился въ Бахчисарай, съ цѣлью осмотрѣть непосѣщенныя мною развалины двухъ ханскихъ загородныхъ дворцовъ, изъ коихъ одинъ находился въ деревнѣ *Улаклы*, и по словамъ историковъ построенъ ханомъ Мухамедъ-Гиреемъ.

На пути къ этимъ развалинамъ, проѣзжая по скалистой вершинѣ *Бакля*, мы нашли большое число пещерныхъ устьевъ; здѣсь всѣ пещеры не длинны, черезъ узкіе проходы ихъ и по стѣнамъ часто струится вода, протекающая сюда извнѣ; въ сторонѣ отъ

нихъ находится весьма много круглыхъ углубленій, изсѣченныхъ въ камняхъ; для чего служили они это совершенно неизвѣстно; кромѣ остатковъ какихъ-то обломковъ украшеній, лежащихъ въ одной пещерѣ, вѣроятно бывшей нѣкогда греческою церковію, мы ничего не нашли достопримѣчательнаго и поспѣшно возвратились въ городъ. Перемѣнивъ лошадей, мы черезъ нѣсколько часовъ скакали уже въ селеніе *Ямурчу*, къ другому ханскому загородному дворцу, но и здѣсь кромѣ груды безобразныхъ развалинъ какой-то стѣны и башни ничего не нашли; въ щебнѣ, который я довольно глубоко прорывалъ, попались мнѣ два шлифованные куска бѣлаго мрамора и на одномъ изъ нихъ изсѣчена какая-то турецкая буква прочно покрытая золотомъ. Проводники предлагали мнѣ посѣтить деревню, лежащую на берегу *Альми* увѣряя, что путешественники часто посѣщаютъ ее съ цѣлью увидѣть совершенно сохранившійся одинъ изъ загородныхъ ханскихъ дворцовъ, но я неповѣрилъ моимъ сопутникамъ, хотя зналъ, что дѣйствительно близь этой деревни существуетъ домъ, въ одной изъ комнатъ, котораго находится прекрасно расписанный потолокъ, но развѣ это одно обстоятельство можетъ доказать, что существующій домъ, нѣкогда былъ ханскимъ дворцомъ.

На другой день, съ однимъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ въ Бахчисараѣ, я сѣлъ въ

коляску и поѣхалъ по дорогѣ въ ущельѣ *Черкесъ-Кермень*.

Когда я посѣтилъ *Качи-Кальенъ*, то думалъ, что въ окружности Бахчисарая нѣтъ болѣе плѣнительнаго мѣста и былъ вновь очарованъ, когда подъѣхали мы къ *Черкесъ-Кермену*. Каждая картина природы въ Крыму не повторяетъ дважды и малѣйшаго сходства не имѣетъ съ другою; въ Кальенѣ я любовался одною живописью мѣста въ Черкесъ-Керменѣ наслаждаюсь другою. Громадныя скалы и ущелья его далеко очертились предъ нами, по сторонамъ дороги безпрестанно попадались отвѣсныя большія скалы, по которымъ то подымаетесь, то опять опускаетесь вы съ трудомъ на главныя возвышенія по крутой тропинкѣ, извивающейся по скалѣ и когда кончится первый главный нагорный путь вашъ, то вступаете въ ущеліе, въ которомъ живописно раскинута небольшая деревня; мы посѣтили ее и отдохнувъ у небольшаго источника чистой студеной воды, приблизились тихими шагами къ чрезвычайно глубокой трещинѣ въ скалѣ, изъ дна которой возвышается древняя башня *Кызъ-Кулеси*, т. е. Дѣвичья Башня; ниже читатель найдетъ разсказанное мною преданіе, частью объясняющее названіе этой башни. Чтобы подняться къ Кызъ-Кулеси мы должны были взбираться по узкой тропинкѣ, цѣпляясь за отваливавшіеся камни. Преодо-

лѣвъ трудность пути мы взобрались на вершину, которая со всѣхъ сторонъ окружена пропастью заросшею столѣтними орѣховыми деревьями; пропасть отстояла отъ насъ вокругъ башни не болѣе какъ на двѣ сажени; поворотивъ въ лѣво, отъ страшной бездны, мы наконецъ достигли поэтической башни, вошли въ нее чрезъ вѣковыя ворота, обросшія сѣрымъ мохомъ. Кто построилъ, на этой неприступной вершинѣ, *Дѣвичью Башню*, и сколько вѣковъ стоитъ она нерушимая? вопросъ этотъ не разрѣшаетъ исторія, историки на счетъ ея постройки высказываютъ одни только предположенія, но истина отъ всѣхъ сокрыта; изъ всѣхъ предположеній вѣроятнѣе прочихъ, что Дѣвичья Башня построена древними обитателями Крыма и вѣроятно Греками, но повторяю предположеніе всегда останется предположеніемъ а не истиной. Толстыя стѣны башни, сложенныя по древнему способу, такъ цѣлы, что кажется простоятъ еще нѣсколько десятковъ столѣтій на удивленіе постройки башни грядущимъ народамъ.

Я посѣтилъ *Черкесъ-Керменскія* пещеры, ихъ здѣсь чрезвычайно много, нѣкоторыя изъ нихъ служатъ спокойнымъ и удобнымъ жилищемъ бѣднымъ Татарамъ; когда вошли мы въ одну изъ главныхъ пещеръ и сдѣлали нѣсколько крутыхъ поворотовъ въ лѣвую сторону, то предъ глазами моими открылось широкое четырехъ-угольное отверз-

тіе, пробитое въ толстой скалѣ; въ этихъ каменныхъ рамахъ, я увидѣлъ очаровательную картину; напрасно началъ-бы я изображать ее читателю, напрасно и художникъ достигнетъ этого мѣста съ палитурою и кистями въ рукахъ, на холстѣ его не отразится этотъ неизобразимый чудный видъ, и блѣдныя краски его не отразятъ сапфирнаго нѣжнаго небосклона и вдали синѣющихъ горъ, которыхъ тѣни и очертанія также разнообразны и неуловимы какъ вечернія тучи едва озаренныя пурпуромъ заходящаго солнца. Изумрудная зелень винограда, вавилонскихъ ивъ, столѣтнихъ деревьевъ волошскаго орѣха, кипарисы, мирты и дикіе каштаны, серебристый цвѣтъ моха, переходящаго въ ярко-пурпурный, зеленыя равнины, туманная даль и наконецъ неподражаемый колеръ дикихъ скалъ, отражающихъ всѣ цвѣты со всѣми ихъ оттѣнками и самая нѣга природы могутъ-ли быть переведены на грубый холстъ?.. Конечно не видя природы, мы будемъ наслаждаться картиной, но повѣряя картину съ природою бросилъ-бы ее съ высоты этой каменной рамы въ черную пропасть, разверзшую бездну свою у подошвы скалы.

Насладившись нѣсколько минутъ картиною мѣстности, очертывающеюся въ этомъ отверзтіи, я спустился въ другое подземелье обширнѣйшее всѣхъ прочихъ доселѣ видѣнныхъ въ Крыму. Здѣсь нѣсколько подземелій соединены вмѣстѣ и составляютъ длинные

ряды во всѣ стороны пространныхъ покоевъ. Стѣны пещеръ прекрасно обтесаны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по угламъ примѣтны разныя украшенія; просвѣты въ стѣнахъ пещеръ представляютъ взору туже самую картину, какою я наслаждался въ одной изъ ближнихъ пещеръ, но здѣсь она сужена и вмѣсто ручейковъ, извивавшихся по зеленой равнинѣ, видны одни голыя скалы, очертывающіяся на небосклонѣ острыми дикими камнями.

Весь день посвятилъ я обозрѣнію этого дикаго мѣста. Смотрю долго на какой нибудь видъ и кажется довольно уже насладился имъ, обращу взоръ мой къ другому ландшафту и желалъ-бы видѣть оба вмѣстѣ; посмотрю въ третью сторону тоже самое и жаждалъ-бы обнять однимъ взоромъ все безмѣрное пространство и смотрѣть на него нѣсколько лѣтъ сряду.

Изъ Черкесъ-Кермена я опять возвратился въ Бахчисарай и на другой день поѣхалъ въ древній монастырь, созданный во имя Пречистой Богородицы въ Солончукахъ, нынѣ этотъ монастырь именуется Успенскимъ, онъ находится въ верстѣ отъ города. Церковь и принадлежащія къ ней кельи изсѣчены въ цѣльномъ извѣстковомъ камнѣ, образующемъ извнѣ отвѣсную и высокую скалу.

Въ Успенскомъ монастырѣ замѣчательны въ особенности двѣ иконы, чрезвычайно древняго греческаго письма,—Успеніе Божі-

ей Матери и образъ Св. Іоанна—воина. Нѣсколько поодаль церкви, существуетъ старое кладбище, на уцѣлѣвшихъ надгробныхъ камняхъ видны еще и досель разныя изсѣченныя фигуры: на одномъ надгробьѣ циркуль и треугольникъ, на другомъ двѣ сѣкиры и какое-то оружіе въ видѣ кинжала, на третьемъ молотъ и наковальня. Кажется, что обыкновеніе высѣкать на надгробіяхъ фигуры относится къ глубокой древности: Архимедъ умирая завѣщалъ друзьямъ своимъ изсѣчь на памятникѣ его, особенно любимыя имъ при жизни фигуры: отношеніе шара къ цилиндру. Величественная простота Успенскаго монастыря невольно напоминаетъ благочестивому богомольцу первые дни христіанства; въ этомъ подземномъ храмѣ молишься съ великимъ благоговѣніемъ и кажется живешь во времена апостольскія. Извнѣ всѣ стѣны церкви испещрены надписями и именами путешественниковъ, посѣщавшихъ это мѣсто, въ числѣ этихъ надписей читаешь имена державныхъ посѣтителей, бывшихъ здѣсь въ 1837-мъ году.

Отслушавши литургію въ Успенскомъ монастырѣ и помолившись у святыхъ стѣнъ его, я вторично обозрѣлъ Чуфутъ-Кале, восточное предмѣстіе Бахчисарая, оно лежитъ, какъ я сказалъ выше, на высокой утесистой горѣ; ничтожныя хижины Караимовъ, прилѣпленныя къ вершинѣ утеса, кажутся маленькими гнѣздами горныхъ ласточекъ.

За воротами разрушенной крѣпостной стѣны находится Еврейское кладбище, называемое Іосафатовою долиною.

Предлагаю благосклонному вниманію читателей романическое преданіе, относящееся къ крымскому хану Тохтамышу и дочери его Шекеджанъ Ханымъ, гробница которой и понынѣ еще существуетъ въ Чуфутъ-Кале.

Занимательное происшествіе это совершалось въ тѣ дни, когда Владыко Крыма, Ханъ Тохтамышъ, жилъ въ загородномъ дворцѣ, стоявшемъ въ Чуфутъ-Кале; этотъ дворецъ былъ построенъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до ханства Тохтамышева.

Еслибъ я могъ со всею подробностью описать красоты дворца, читатели подумали-бы, что я начитался Тысячи одной ночи, и разстроенному воображенію моему представляются дива дивныя, чуда чудныя.

Въ самомъ дѣлѣ, дворецъ Тохтамыша былъ та же осуществившаяся роскошная фантазія восточнаго поэта. Онъ стоялъ на скалистомъ, съ одной стороны обрывистомъ возвышеніи, покрытомъ бархатною зеленью муравы; съ трехъ сторонъ возвышенія группировались тѣнистыя мирты, пирамидальныя рашы, красовались дикіе жасмины, серебрились вавилонскія ивы, росли миндальныя и клубничныя деревья, кипарисы, бѣлыя акаціи и тысячи родовъ благоухающихъ деревъ,

кустовъ и цвѣтовъ. Между группами деревъ извивался широкій кристальный ручей, стекавшій съ горной вершины; у подошвы возвышенія онъ каскадомъ вливался въ широкій каналъ, обведенный вокругъ дворца; каналъ былъ одѣтъ сѣрозеленымъ мраморомъ; по срединѣ его, на водѣ, плавали искусно сплетенные цвѣтники, наполненные самыми рѣдкими растеніями; цвѣтники эти, по волѣ вѣтра или человѣка, передвигались свободно во всѣ стороны. На самой вершинѣ величественно красовался бѣлый мраморный дворецъ съ круглою галереею, поддерживавшеюся семью громадными колоннами, изсѣченными изъ разноцвѣтнаго мрамора; колонны были обвиты столѣтнимъ плющемъ и лозами винограда. Между ними стояли огромныя яшмовыя вазы, наполненныя цвѣтами; эти вазы украшали и широкое мраморное крыльцо дворца; въ извѣстные дни, изъ каждой вазы билъ фонтанъ, разсыпавшійся бриллiантовымъ снопомъ. Вечеромъ и утромъ, при закатѣ и восходѣ солнца, когда пурпурные лучи падали на дворецъ, онъ представлялся сдѣланнымъ изъ цѣльной скалы розоваго горнаго хрусталя; длинныя, но узкія окна дворца были изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, подобранныхъ подъ цвѣта радуги; снаружи каждое окно было обито изящными украшеніями изсѣченными изъ мрамора.

Взойдя на длинное широкое крыльце дворца, открывались пространныя, расписанныя ара-

бесками сѣни, съ четырьмя сквозными дверями, сдѣланными въ видѣ арокъ; въ сѣняхъ были три мраморные фонтана, вода каждаго изъ нихъ, раздробляясь въ мельчайшія капли, падала на искусно подобранныя стекла, и при каждомъ паденіи капель, эти стекла издавали тысячи мелодическихъ, упоительныхъ звуковъ. На главномъ, среднемъ фонтанѣ, на мраморной доскѣ, была вырѣзана золотыми буквами татарская надпись: Взглядъ прелестной женщины, звукъ этой гармоніи, цвѣтъ радуги и благоуханіе амвры, вотъ неосязаемые дары пророка.» На лѣвомъ фонтанѣ, также на мраморной доскѣ, золотыми буквами начертано: «Вѣрный сынъ пророка! слей душу твою съ этою мелодіею фонтана, и она вмѣстѣ съ звукомъ понесется къ небу.» На правомъ фонтанѣ: «Вѣрный сынъ пророка, испей эту живую струю, и душа твоя исполнится небесною гармоніею.»Сквозь огромныя двери рисовались живописно раскинутые въ разныхъ мѣстахъ пышнаго сада цвѣтники, изъ которыхъ каждый изображалъ, расположеніемъ цвѣтовъ, поэтическую мысль, понятную для изучавшихъ восточную эмблематику цвѣтовъ. Но дѣло не въ дворцѣ и не въ цвѣтахъ: во дворцѣ ханскомъ разцвѣталъ единственный цвѣтокъ, помрачавшій красотою своею всѣ цвѣты міра; этотъ цвѣтокъ была Непекеджанъ-Ханымъ, дочь Хана Тохтамыша отъ первой его любовницы Эмбаады.

Тохтамышъ-Ханъ, угрюмый, жестокій, никогда недовольный ни окружавшею его свитою, ни женами, коихъ число въ его гаремѣ восходило до двухъ сотъ, ни самимъ собою, былъ характера чрезвычайно страннаго. Прежде всего онъ отличался отъ правовѣрныхъ сыновъ Магамета тѣмъ, что не любилъ женщинъ. «Женщины-кошки, говорилъ Тохтамышъ: вѣрная жена моя вотъ эта сабля; она никогда и нигдѣ не измѣнитъ мнѣ; скорѣе рука моя ей измѣнитъ, а кошки ласковы, когда даешь имъ жирный кусокъ, но посмотри на нихъ сурово, и у каждой родится мысль задушить во снѣ своего повелителя.» И въ слѣдствіе этой-ли мысли, или страннаго характера, Тохтамышъ рѣдко посѣщалъ свой обширный гаремъ, въ которомъ конечно часто слышалась пѣсенька подобная; «Ахъ подруженьки, какъ грустно...».

Въ первый годъ вступленія на ханство Тохтамыша, одинъ изъ любимыхъ его военачальниковъ, Агла-Аббекумъ-Джанболду, путешествуя по Персіи, купилъ въ Кандагарѣ прелестную невольницу, заплативъ за нее нѣсколько мѣшковъ золотыхъ Стамбульскихъ шерифовъ; это составляло почти все его имѣніе. Онъ мечталъ, что Тохтамышъ, прельстившись красотою невольницы, возвратитъ ему заплаченное вдесятеро.

Около двухъ сотъ бѣлыхъ, несчетное множество сѣрыхъ верблюдовъ и множество арабскихъ и персидскихъ лошадей составля-

ли караванъ, который везъ въ Бахчисарай перлъ Персіи, какъ называлъ купленную красавицу Аббекумъ. Пестрые, драгоцѣнные ковры прикрывали бѣлаго верблюда, двугорбая спина котораго удостоилась величайшаго счастія нести красавицу Джгагаме. Болѣе ста Бедуиновъ, Арабовъ и множество Персіанъ, даже довольно знатныхъ, сопровождали невольницу въ Бахчисарай.

Живописно раскинулся этотъ караванъ въ миндальной рощѣ, зеленѣвшейся неподалеку отъ каменныхъ воротъ Бахчисарая. Караванъ не могъ въѣхать въ самой городъ по случаю поздняго прибытія, ибо по древнему обычаю Татаръ, послѣ перваго вечерняго призыва муэдзиномъ на молитву, городскія ворота запирались, и путники, не во время приблизившіеся къ городу, должны были располагаться на ночлегъ за воротами, а утромъ уже, послѣ перваго крика муэдзина, ворота вновь отворялись: тогда всякъ могъ свободно ѣхать въ городъ.

Аббекумъ пріѣхалъ въ Бахчисарай нѣсколькими днями ранѣе прибытія каравана; онъ хранилъ отъ всѣхъ втайнѣ сдѣланную покупку и цѣль ея, желая нежданно изумить Хана; этимъ онъ думалъ еще болѣе возвысить въ его глазахъ достоинство и цѣну своего подарка.

Освѣдомившись вечеромъ о благополучномъ прибытіи каравана къ стѣнамъ города, Аббекумъ всталъ до восхода солнца, и съ

первымъ лучемъ его полетѣлъ на бѣломъ персидскомъ жеребцѣ къ городскимъ воротамъ; при немъ городовой стражъ поворотилъ тяжелый ключъ въ громадномъ замкѣ; ворота отворились для входа и выхода правовѣрныхъ и первый Аббекумъ выѣхалъ за городъ, и стрѣлою пустился къ своему каравану.

Арабы, окутавшись въ длинныя бѣлыя покрывала, спокойно спали между верблюдами, которые лѣнивo протягивали длинныя шеи, смотря на всадника, скакавшаго предъ ними.

Съ пріѣздомъ Аббекума въ караванъ, всѣ проснулись. Рысью подъѣхалъ онъ къ пестрой персидской палаткѣ, въ которой спала Джгагаме. Забывъ свою старость, онъ какъ юноша быстро соскочилъ съ коня, и отдавши его одному изъ Арабовъ, стоявшихъ, близъ палатки самъ вошелъ во внутрь ея. Два евнуха, бдительные стражи перла Персіи, не узнавъ съ перваго взгляда Аббекума, бросились на него съ обнаженными кинжалами; въ испугѣ Аббекумъ отскочилъ въ сторону, и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Аллахъ! Великъ Аллахъ! я Агла-Аббекумъ-Джанболду!

— Агла-Аббекумъ-Джанболду! произнесъ одинъ изъ евнуховъ, и палъ къ ногамъ властелина.

Блѣдное лице Аббекума, выражавшее страхъ, вдругъ по багровѣло; глаза его за

сверкали какъ у шакала, и ясно видно было, что кровь кипѣла въ его сердцѣ.

— Узналъ, кто я! гнѣвно закричалъ онъ, и другой евнухъ повалился къ ногамъ его. Аббекумъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы евнухи встали; они вмигъ вскочили, и какъ бронзовыя статуи недвижно стали по угламъ палатки.

«Спитъ?» спросилъ Аббекумъ у евнуха. Евнухъ почтительно наклонилъ голову.

Аббекумъ осторожно отдернулъ завѣсу, и вошелъ во второе отдѣленіе палатки.

Джагаме, свободно раскинувшись на мягкомъ ложѣ, спала безмятежно; легкая, полупрозрачная индійская ткань прикрывала ея прекрасныя формы; густая, длинная и черная какъ смоль коса въ безпорядкѣ выказывалась изъ-подъ античной шеи красавицы Востока; густыя черныя рѣсницы закрывали прекрасныя глаза; бархатный румянецъ пылалъ на щекахъ ея. На драгоцѣнномъ коврѣ, на которомъ была разостлана и самая постель, лежали пышные благовонные цвѣтки бѣлой лиліи; въ одномъ углу палатки, на небольшомъ коврѣ, видѣлась одежда Джагаме; въ другомъ было брошено ея покрывало, верхняя широкая малиновая тюника и на ней дорогія головныя украшенія.

Пораженный прелестью спящей красавицы, храбрый Аббекумъ остановился, лучше скажу остолбенѣлъ у самой завѣсы; потомъ

разгладилъ правою рукою свою длинную большую бороду, сложилъ руки на груди, вздохнулъ, не отрывая взора отъ красавицы, и произнесъ: «Аллахъ великъ! Великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ!»

Въ памяти Аббекума ожило все прошедшее... Много было у меня невольницъ, думалъ онъ, и теперь ещё въ гаремѣ моемъ болѣе сорока женъ, но ни одной не было прелестнѣе Джгагаме!.. За чѣмъ я не юноша, о о Аллахъ и великій пророкъ Магометъ!

Потомъ онъ тихо приблизился къ ложу красавицы, сѣлъ у ея изголовья, и долго неподвижный тусклый его взоръ былъ устремленъ на спящую невольницу. Мысль въ головѣ его смѣнялась тысячами другихъ мыслей, и всѣ онѣ относились къ Джгагаме и Хану Тохтамышу.

—Да, Тохтамышъ не прельщается красотою женщинъ; онъ, не такъ какъ правовѣрный, дѣлитъ время на молитву Аллаху и на любовь женъ своихъ; онъ жаждетъ только войны и и крови... но ни кровью и войною никогда не досталъ-бы такой жемчужины, какую я ему готовлю... Да и Тохтамышъ старъ; я старѣе его, но развѣ и старецъ не можетъ быть съ чувствами юноши, развѣ и я не могу упиваться красотою моей Джгагаме!..

Аббекумъ, не досказавъ восторженной рѣчи, преклонилъ было уже голову къ щекѣ Джгагаме, съ намѣреніемъ поцѣловать ее, но

невольница вдругъ раскрыла очи, увидѣла Аббекума, и въ страхѣ закрылась покрываломъ...

— Спи, дитя мое, я поѣду къ Тохтамышу!..

Проворно вскочилъ Аббекумъ съ ковра, на которомъ сидѣлъ, поправилъ свою бороду, вышелъ изъ палатки, сѣлъ на жеребца и отдавши приказанія Персіянамъ не въѣзжать въ городъ до его велѣнія, самъ понесся стрѣлою къ городскимъ воротамъ, и прискакавъ въ городъ, помчался далѣе въ Чуфутъ-Кале, во дворецъ Тохтамыша.

Ханъ, поджавши ноги, сидѣлъ на драгоцѣнной подушкѣ, лежавшей на коврѣ, въ круглой комнатѣ своего великолѣпнаго дворца; противъ него, въ другомъ углу комнаты, также поджавши ноги, сидѣлъ дряхлый старецъ, мулла, и дрожащимъ, по довольно громкимъ голосомъ читалъ коранъ. Комната была разрисована широкими разноцвѣтными полосами, отдѣлявшимися одна отъ другой золотыми арабесками; на самыхъ полосахъ вились золотыми буквами татарскія надписи, по большей части изъ корана, и мудрыя изрѣченія хановъ и муллъ; полъ комнаты былъ покрытъ бархатнымъ ковромъ, и въ разныхъ мѣстахъ у стѣнъ на коврѣ были раскинуты дорогія подушки, для любимцевъ Хана, приходившихъ во время его благочестивыхъ размышленій съ муллою. Посреди комнаты билъ розовою водою роскошный фонтанъ, изсѣченный изъ, розо-

ваго мрамора; вокругъ огромной чаши блестѣла золотая надпись: «Рука моя разливаетъ вамъ дары неба, какъ фонтанъ разсыпаетъ эти благовонныя брызги вокругъ своей чаши.»

Задумчивый взоръ Тохтамыша былъ устремленъ на чашу фонтана. Онъ слушалъ чтеніе муллы и, казалось къ его душѣ и воображенію открывались тайны неба, обѣщаннаго Магометомъ въ жилище правовѣрнымъ. Въ минуту этого благочестиваго размышленія, тихо отворилась дверь, и въ комнату вошелъ любимецъ Хана, храбрый его военачальникъ, Аббекумъ. Сдѣлавъ, по восточному обычаю, привѣтствіе своему могущественному повелителю, онъ, по знаку Хана, сѣлъ на подушку. Мулла продолжалъ чтеніе.

— Я вижу, сказалъ Ханъ, изъ твоего лица, Агла-Аббекумъ-Джанболду, льется обильная струя свѣтлой радости.

Аббекумъ наклонилъ голову, и отвѣчалъ:

— Неисчерпаемый источникъ радости всѣхъ твоихъ сыновъ, ты могущественный Ханъ! Я вижу теперь у самаго источника свѣтлой радости, и возможно-ли послѣ этого, чтобы обильная струя ея не лилась изъ моего лица!

Не считаю излишнимъ замѣтить, что Аббекумъ-Джанболду былъ въ свое время славный говорунъ.

Ханъ, выслушавши его комплиментъ, въ самоудовольствіи погладилъ бороду, сладко улыбнулся, и далъ знакъ глазами, чтобы Аббекумъ слушалъ чтеніе.

Мулла читалъ изъ корана то мѣсто, гдѣ сказано, что и душа кобылицы Магомета витаетъ въ небѣ пророка.

— Пророкъ взялъ на свое небо душу кобылицы, и отказался принять туда души нашихъ земныхъ красавицъ! Сказалъ Аббекумъ, обратившись къ муллѣ.

— Ты знаешь, храбрый сынъ пророка, что женщины не имѣютъ души: поэтому, могутъ-ли онѣ витать въ небѣ Магомета!

— Такъ, но зачѣмъ же онѣ не могутъ витать въ небѣ пророка, когда витаетъ тамъ кобылица, скажи мнѣ, благочестивый мулла?..

— Аббекумъ-Джанболду, сказалъ Ханъ протянувъ свою руку къ Аббекуму: ты забылъ, что въ небѣ пророка нѣтъ мышей, и и кошки тамъ не нужны!

Послѣ такого философическаго отвѣта, Аббекумъ-Джанболду не зналъ, что отвѣчать.

Долго еще мулла продолжалъ чтеніе, которое нѣсколько разъ прерывали вопросами Ханъ и Аббекумъ. Ученый мулла подъ часъ разрѣшалъ ихъ недоумѣнія, но ни одно изъ его рѣшеній не было такъ остроумно и вѣрно, какъ отвѣтъ Хана касательно душъ женскихъ.

Послѣ благочестиваго чтенія, Ханъ, по обыкновенію, садился на лошадь, выѣзжалъ съ многочисленною свитою за городъ, и нѣсколько часовъ гарцовалъ въ открытомъ полѣ, или въ рощахъ, стрѣлялъ птицъ и съ обнаженною саблею, какъ въ битвѣ, металъ стрѣлою въ разныя стороны. Это было его любимое препровожденіе времени.

Аббекумъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, и предложилъ Хану ѣхать въ миндальную рощу, у которой остановился его караванъ. Ханъ принялъ предложеніе любимца, сѣлъ на лошадь, и въ сопровожденіи Аббекума, болѣе ста человѣкъ черныхъ и бѣлыхъ придворныхъ и отряда сайдачниковъ, поѣхалъ въ рощу.

«Аббекумъ-Джанболду, видишь-ли ты, это кажется караванъ?» спросилъ Ханъ, указывая вдаль рукою.

— Караванъ, могущественный Ханъ.

«Кажется еще Персидскій, это хорошо — я давно ожидаю Персидскаго посла...»

«Верблюды бѣлые; быть можетъ и Персидскій!»

— Поѣдемъ къ нему! сказалъ Тохтамышъ, пустившись вдаль, и какъ птицы всѣ полетѣли за Ханомъ и Аббекумомъ.

Ханъ остановилъ ретиваго копя, по желанію Аббекума, у самой палатки Джагаме. Аббекумъ слѣзъ съ лошади, и подойдя къ Хану низко поклонился и сказалъ:

«Могущественный Ханъ! я только жаждалъ, чтобы ты, владыка моей жизни, пріѣхалъ сюда; теперь прошу, сойди съ лошади и посѣти эту палатку, ты найдешь въ ней неоцѣненное сокровище; я приготовилъ его для тебя!..

— Для меня, Аббекумъ-Джанболду?

«Для тебя, могущественный Ханъ, неоцѣненное сокровище въ этомъ шатрѣ.»

Съ радостною улыбкою сошелъ Ханъ съ коня, и поддерживаемый Аббекумомъ вошелъ съ нимъ въ палатку. Завѣса, раздѣлявшая палатку на двѣ части, была уже отдернута, и прелестная Джгагаме сидѣла на драгоцѣнномъ коврѣ, въ самой роскошной персидской одеждѣ. Посмотрѣвъ на эту женщину, казалось, одушевилась-бы и холодная статуя Аполлона Бельведерскаго, и не вынесла-бы чарующаго взгляда непзобразимой красоты ея. Увидѣвъ ее Ханъ, ударилъ руками о полы своего платья, и обратясь къ Аббекуму спросилъ:

— Ты ее купилъ?

«Купилъ, могущественный Ханъ, тебѣ въ подарокъ!»

— Сколько мѣшковъ золота далъ ты за нее?

«Всѣ сколько имѣлъ!»

— Безумный Аббекумъ-Джамболду, ты не оставилъ денегъ для покупки шелковой петли на твою шею!..

Ханъ склонилъ голову въ правую сторону, и внимательно смотрѣлъ на дрожащаго храбреца Аббекума.

«Ну, если ты совершенно истратился на эту пеструю кошку, такъ я за твою храбрость и любовь ко мнѣ не откажу прислать тебѣ петлю славнаго шелка, когда ты только измѣнилъ своей вѣрной красавицѣ—шашкѣ, и промѣняешь ее на бездушную тварь—женщину. Этотъ разъ я прощаю твою шалость; ты сдѣлалъ ее отъ слѣпой любви ко мнѣ, но просвѣти лучше эту любовь свѣтлымъ разсудкомъ, и не дѣлай того, что неприлично храброму сыну пророка. Ты былъ въ Меккѣ и Мединѣ, ты поклонялся гробу пророка, и не молилъ его, чтобъ онъ уразумилъ тебя въ томъ, что храбрый сынъ его долженъ любить саблю, а не кошку; такъ я празумляю тебя; помни слова мои!.. Невольница пусть остается здѣсь, властелинъ ея сейчасъ найдется среди насъ. Случай укажетъ намъ ея обладателя... Пойдемъ!» сказалъ Тохтамышъ, слегка ударивъ по плечу Аббекума.

Аббекумъ повергся къ ногамъ Хана.

— Прости, могущественный Ханъ, дерзость мою, что осмѣлился, дарить тебѣ женщину, зная, что ты предпочитаешъ саблю всякой красавицѣ!..

«Пойдемъ Аббекумъ, пойдемъ скорѣе! я не надѣну на твою шею петли, если ты будешь

храбръ, какимъ былъ до сего времени; помни только, что храбрость исчезнетъ какъ воскъ въ огнѣ, когда будешь любить женщинъ.»

— Не смотря на спокойный разговоръ Хана, видно было, что онъ сильно негодовалъ на Аббекума за его поступокъ, несообразный съ воинственнымъ духомъ Тохтамыша. Небольшаго роста, красный, широколицый и необыкновенный толстякъ, Ханъ едва могъ передвигать ноги, выходя изъ палатки. Тихо шелъ Аббекумъ вслѣдъ за нимъ и дрожалъ какъ осиновый листъ.

«Не трепещи!» сказалъ ханъ, обратившись къ Аббекуму, а если ты жалѣешь разстаться съ твоею безцѣнною жемчужиною, такъ знай, повторяю тебѣ, что обладателя ея укажетъ намъ случай; можетъ быть, и я принужденъ буду помѣстить ее въ многолюдный гаремъ, а можетъ быть и ты храбрецъ, будешь ея властелиномъ!

Они вышли изъ палатки. Хану подвели жеребца, Аббекуму также, и оба они, вспрыгнувъ на коней, полетѣли.

— На поле! скомандовалъ Ханъ, и всѣ стрѣлою понеслись за нимъ.

«Стой! закричалъ Тохтамышъ, остановившись среди поля. Сайдачники, составьте кругъ!»

Сайдачники составили кругъ, въ срединѣ котораго были на лошадяхъ Ханъ, Аббекумъ и еще двое изъ его придворныхъ. За сай-

дачниками, въ нѣкоторомъ отдаленіи, остановились прочіе изъ его свиты. Ханъ приказалъ подать платокъ и одинъ изъ придворныхъ подалъ ему красный шелковый платокъ. Тохтамышъ поднялъ платокъ вверхъ, и обратясь къ окружавшимъ его спросилъ:

«Всѣ-ли видите платокъ?»

— Видимъ, видимъ, всѣ видимъ! закричали окружавшіе.

«На, привяжи его къ стрѣлѣ, и пусти ее вверхъ, мы поодиначкѣ будемъ попадать въ него, и чья первая невѣрная стрѣла не пронзитъ этого платка, тому и суждено обладать прелестною невольницею. Я стрѣляю первый! сказалъ Ханъ, подавая платокъ Татарину.

Татаринъ привязавъ платокъ за одинъ конецъ къ стрѣлѣ, взялъ изъ-за спины сайдакъ, наложилъ стрѣлу съ платкомъ, выстрѣлилъ— и стрѣла высоко взвилась въ небо, и когда она начала падать, Ханъ прицѣлился выстрѣлилъ, и стрѣла его осталась въ платкѣ.

— Не моя драгоцѣнная жемчужина! сказалъ Ханъ съ самодовольствіемъ погладивъ бороду.

«Аббекумъ! возьми сайдакъ.

Аббекумъ сострахомъ взялъ сайдакъ изъ рукъ Хана, натянулъ тетиву, положилъ стрѣлу и прицѣлился; руки его дрожали. Татаринъ, пустилъ вверхъ стрѣлу съ платкомъ, и когда она спускалась, Аббекумъ выстрѣлилъ и

не попалъ. Ханъ захохоталъ, а за нимъ всѣ его окружавшіе.

«Не стыдно ли тебѣ, Аббекумъ! Да тебя ли я вижу? я не вѣрю своимъ глазамъ, ты ли это предо мною? что съ тобою сталось? ты дрожишь; вижу, трусость заняла порядочный уголъ въ твоемъ нѣкогда храбромъ и отважномъ сердцѣ. Трусость и храбрость не могутъ жить вмѣстѣ; ты трусъ, и храбрость исчезла изъ твоего сердца, какъ благовонная роса изъ чашечки цвѣта, когда раскаленный лучь солнца въ нее проникнетъ. Мнѣ трусовъ не надобно. Отдать тебѣ невольницу, значитъ потворствовать твоей страсти къ женщинамъ, которыя не перваго и непослѣдняго тебя превращаютъ въ слабаго и разнѣженнаго человѣка. Трусъ не можетъ управлять непобѣдимымъ войскомъ моимъ, и такъ, что мнѣ сдѣлать съ тобою? надѣть на шею петлю!.. Ты не купилъ себѣ веревки: ты все золото свое отдалъ за бездушную тварь, за женщину; подарить тебѣ шелковую петлю я не могу, ибо ты недостоинъ и этой милости, но умереть ты долженъ, и такъ лети впередъ, и знай, что со всѣхъ сайдаковъ, сколько есть ихъ здѣсь, стрѣлы полетятъ вслѣдъ за тобою и вопьются въ твое трусливое сердце.

Аббекумъ хотѣлъ встать съ лошади, и пасть къ ногамъ жестокаго Хана, но Ханъ самъ сильно ударилъ его лошадь, и она быстро понеслась вдаль, а стрѣлы пустились ей

въ догонку, и болѣе ста изъ нихъ впились въ Аббекума, онъ палъ замертво съ коня, и кровь ручьями заструилась изъ ранъ его.

«Будемъ продолжать! Прехладнокровно закричалъ Ханъ на сайдачника, стрѣляй!

Сайдачникъ наложилъ стрѣлу съ платкомъ, выстрѣлилъ, она взвилась, и въ платокъ впилась стрѣла главнаго начальника отряда сайдачниковъ.

— Поздравляю тебя, Кадій-Куртъ-Септъ; ты указалъ меня самимъ пророкомъ, чтобы отдать тебѣ мѣсто трусливаго Аббекума; будь храбръ, и не любя женщинъ.

Кадій-Куртъ-Септъ повергся къ ногамъ Хана.

«Стрѣляйте, сайдачники, по очереди, какъ стоите!» сказалъ Ханъ.

Стрѣлы одна за другою впивались въ красный платокъ, и разрывали его на части.

Тохтамышъ стоялъ поодаль, и любовался искуствомъ сайдачниковъ и желаніемъ ихъ попасть въ платокъ, а непремѣнять своей воинской славы на невольницу.

Всѣ попадутъ! думалъ Ханъ, и кому же тогда достанется красавица? Вдругъ стрѣла одного молодаго сайдачника пролетѣла мимо самаго платка, но не вонзилась въ него. Всѣ захлопали въ ладоши, Ханъ быстро подскакалъ къ сайдачнику; на лицѣ его выражалось удовольствіе.

«Какъ имя твое?»

— Эли-Абиль-Меджитъ! отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ молодой сайдачникъ.

«Не тревожься, не ты измѣнилъ стрѣлѣ, но стрѣла тебѣ измѣнила. Дѣло рѣшено, случай указалъ намъ тебя, обладателя этой невольницы. Весь караванъ и невольница твоя собственность!»

Юноша смутился, покраснѣлъ, потомъ краска перешла въ блѣдность. Эли-Абиль-Меджидъ не зналъ что отвѣчать грозному повелителю.

— Ты молодъ, отъ тебя твое не уйдетъ; если будешь храбръ, въ будущемъ ожидаютъ тебя награды и слава, но до тѣхъ поръ, пока слабая рука твоя не утвердится, ты не долженъ быть въ рядахъ этихъ безстрашныхъ и ловкихъ воиновъ; возьми жену, живи и съ утра до вечера упражняйся въ стрѣльбѣ. Пусть эта невольница напоминаетъ тебѣ нынѣшній день. Аллахъ великъ, онъ укрѣпитъ твои мышцы, а я тебя не забуду!..

Сказавши это Тохтамышъ ударилъ своего коня и понесся къ городскимъ воротамъ, за нимъ и вся его свита.

Чрезъ часъ послѣ этого Тохтамышъ задумавшись сидѣлъ въ одной изъ своихъ великолѣпныхъ залъ; его окружали приближенныя къ нему особы; въ числѣ ихъ былъ и новый военачальникъ Куртъ-Сеитъ-Кадій, разсуждали о томъ, что Турецкій Султанъ давно

уже не благоволитъ къ Хану, и что если еще продолжится это негодованіе, то война непремѣнно возгорится.

— Вы страшитесь войны? грозно спросилъ Ханъ. Всѣ молчали.

«Кто страшится, могущественный Ханъ! Твое могущество вольется въ наши сердца, укрѣпитъ насъ; съ отвагою и радостію полетимъ на враговъ, если они вздумаютъ насъ тревожить.

— Куртъ-Сентъ-Кадій, будь на дѣлѣ таковъ, каковъ ты на словахъ.

Сентъ приложилъ руку къ сердцу и почтительно преклонилъ голову предъ Ханомъ.

Ханъ ушелъ въ свой гаремъ посвящать каждый день, по закону пророка, одной изъ многочисленныхъ его женъ. Но какъ Ханъ посвящалъ дни женамъ, это было чрезвычайно любопытно: въ тотъ часъ, когда онъ входилъ въ сборную залу, всѣ женщины ожидали его уже здѣсь. По приходѣ Хана начинались въ гаремѣ почти военныя игры. Ханъ училъ женъ мѣтко стрѣлять изъ небольшихъ луковъ, и ежечасно твердилъ имъ, что и женщины созданы для войны.

— Выбросьте изъ головъ вашихъ мысль, что вы слабы, и не можете защищать въ случаѣ нужды, вашего повелителя, которому принадлежатъ и чувство и воля ваша.

Женщины слушали со вниманіемъ.

— Были нѣкогда, началъ Ханъ усѣвшись на подушку, женщины Фокеянки; къ городу

ихъ подступило безчисленное непріятельское войско; тамошніе разслабленные воины не въ силахъ были защищать городъ, и многіе изъ нихъ соглашались отдать его непріятелю: тогда болѣе двухъ сотъ храбрыхъ женщинъ Фокеянокъ, съ обнаженными мечами и вѣнками изъ цвѣтовъ, вбѣжали въ домъ совѣта и требовали, чтобы въ случаѣ проигрыша сраженія, долженствовавшаго рѣшить участь ихъ и города, всѣ онѣ были сожжены въ этомъ домѣ; тогда одинъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ принялъ на себя защиту города, и увѣнчанный цвѣтами Фокеянокъ, полетѣлъ на враговъ и разбилъ ихъ. Слѣдуйте, жены, этому примѣру Фокеянокъ, и вашъ могущественный повелитель будетъ любить васъ!..

Такою баснею и выведеннымъ изъ нея правоученіемъ обыкновенно кончалось посвященіе дней Хана женамъ его, для которыхъ, какъ и для всего народа, онъ служилъ предметомъ великаго удивленія и негодованія.

Воинственный характеръ Тохтамыша развивался во всей силѣ въ неизобразимой красавицѣ, его дочери, Непекеджанъ-Ханымъ. Не ожидайте отъ меня, юноши, описанія красоты Непекеджанъ: она дѣйствительно не изобразима, и не старайтесь представлять ее въ вашемъ пылкомъ воображеніи; оно скорѣе очертитъ вамъ блѣдную тѣнь женщины съ обезображенными чертами, нежели плѣнительную красоту дѣвы Востока. Читайте

краснорѣчивую лѣтопись современнаго мудреца Оджи-Темиръ-Мурзы-Мамбедіе, жившаго постоянно при Ханѣ Тохтамышѣ. Вотъ что онъ пишетъ: Непекеджанъ Ханымъ, капля росы, упавшая съ неба пророка въ чашечку благовоннѣйшаго пурпурнаго цвѣтка тматарандала, и во время паденія пронзенная первымъ огненнымъ лучемъ, исшедшимъ изъ десницы всемірнаго свѣтила Аллаха, и направленнымъ великимъ пророкомъ Магометомъ. Звукъ небесной гармоніи, красота единственной гуріи пророка, живущей съ нимъ въ небѣ, и величіе могущественнаго Тохтамышъ-Хана сосредоточились въ этой небесной каплѣ, оживотворенной Аллахомъ, и ниспосланной имъ отцу ея въ награду за его безмѣрную благость и любовь къ своему храброму народу...

Не смотря на непонятное хладнокровіе магометанина Тохтамыша къ женщинамъ и даже къ женѣ своей, отъ которой родилась Непекеджанъ, Тохтамышъ безмѣрно любилъ дочь свою. Съ первыхъ дней, когда эту каплю небесной росы одушевилъ Аллахъ, Тохтамышъ началъ воспитывать ее сообразно съ своимъ характеромъ. Въ десять лѣтъ Непекеджанъ стрѣляла изъ сайдака вѣрнѣе нежели самъ Ханъ, владѣла шашкою искуснѣе воина, десять разъ отбивавшагося отъ толпы враговъ, налетавшихъ на него.

Страсть къ военнымъ играмъ съ каждымъ часомъ увеличивалась у Непекеджанъ, и она

безпрестанно скучала отцу, чтобы онъ разрѣшилъ ей ѣздить верхомъ на лошади. Убѣжденія Тохтамыша, что женщина, по закону пророка, не должна владѣть оружіемъ и ѣздить какъ воинъ, ни къ чему не служили, и часто Ханъ, сидя у фонтана съ поникшей головой, горевалъ о томъ, что небесная капля упала въ чашечку тматарандала, а не въ другой цвѣтокъ, который бы могъ произвесть не женщину, а мужчину.

Не было примѣра, чтобы Крымскій Ханъ когда нибудь спрашивалъ у духовныхъ своихъ, можно-ли по закону пророка женщинѣ ѣздить на лошади, вооруженною и командовать войскомъ. По этому Тохтамышъ сперва отобралъ мнѣніе у двухъ или трехъ храбрѣйшихъ и ученѣйшихъ муллъ. Муллы заключили, что только одно общее собраніе всѣхъ мудрецовъ и духовныхъ лицъ можетъ разрѣшить или не дозволить Непекеджанъ-Ханымъ употреблять оружіе. Тохтамышъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и немедленно приказалъ разослать гонцевъ во всѣ концы своего государства, съ приглашеніемъ мудрѣйшихъ прибыть въ Чуфутъ-Кале. Онъ назначилъ день совѣта, а до того времени, отобравъ у дочери оружіе приказалъ ей ежедневно съ утра до вечера молить пророка, чтобы онъ внушилъ мудрецамъ мысль дозволить ей предводительствовать войсками.

Прошло нѣсколько лунныхъ мѣсяцевъ; мудрецы одинъ за другимъ съѣзжались въ

Бахчисарай; знатнѣйшіе изъ нихъ помѣщались въ самомъ дворцѣ Хана. Насталъ и урочный день, и всѣ собрались въ огромной залѣ дворца, въ которой было семь фонтановъ, поставленныхъ вокругъ, по срединѣ залы. Мудрецы, поджавши ноги, сѣли у стѣнъ на коврѣ; каждому изъ нихъ подали кальянъ и шербетъ; они покуривали, попивали и ожидали могущественнѣйшаго повелителя.

Черезъ часъ, когда всѣ уже собрались въ залѣ, торжественно вошелъ въ пышной придворной одеждѣ ханскій мудрецъ, Оржи-Темиръ-Мурза-Мамбедіе, и занялъ мѣсто посреди фонтановъ, въ самомъ центрѣ огромной круглой залы. Громкимъ голосомъ онъ возвѣстилъ о скоромъ прибытіи могущественнѣйшаго владыки, и о томъ, что его ханское высочество изволилъ поручить ему предложить мудрѣйшему собранію на предварительное размышленіе вопросъ: не противно-ли закону пророка дозволить неизобразимой красавицѣ, дочери его Ненекеджанъ-Ханымъ, носить оружіе и командовать войсками?

Изложивъ этотъ вопросъ, Темиръ-Мурза-Мамбедіе прибавилъ отъ себя, что не было никогда въ землѣ пророка ни одной души такой храброй, ловкой и способной къ войнѣ, какъ дочь Хана.

Одинъ изъ мудрецовъ, сидѣвшихъ по правую сторону оратора, по имени Абдулъ-Адій, замѣтилъ придворному мудрецу, что Ненекед-

жанъ-Ханымъ, какъ женщина, не имѣетъ души.

Мамбедіе не нашелся что отвѣчать. Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты послѣ этого, къ Абдулъ-Адію подошелъ ханскій Арабъ, и сказалъ вслухъ, что Ханъ предварительно желаетъ съ нимъ видѣться.

Абдулъ-Адій всталъ съ ковра, поправилъ бороду и послѣдовалъ за Арабомъ, который привелъ его въ компату Хана. Въ это время Ханъ сидѣлъ вдвоемъ съ Ненекеджанъ.

— Повѣсить скотину! закричалъ Тохтамышъ, когда Абдулъ-Адій переступилъ порогъ ханской комнаты. Арабъ толкнулъ назадъ мудреца, и черезъ нѣсколько минутъ онъ качался уже на висѣлицѣ, заблаговременно устроенной противъ огромныхъ оконъ залы совѣта.

Спустя полчаса послѣ этого, растворили двери залы, и дали знать мудрецамъ, что идетъ Ханъ. Вмигъ мудрецы преклонили головы къ землѣ, и безмолвно, съ внутреннимъ трепетомъ, ожидали появленія могущественнѣйшаго владыки.

Тихо вошелъ Ханъ въ залу, сѣлъ на драгоцѣнную подушку, окинулъ взоромъ собраніе, и произнесъ:

— Великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ. Мудрецы приподнялись... Ханъ посмотрѣлъ на Темиръ-Мурзу-Мамбедіе, и Мамбедіе тотчасъ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ,

что Ханъ испрашиваетъ мнѣнія мудрецовъ: не противно-ли съ законами пророка дозволить его дочери Непекеджанъ-Ханымъ командовать войсками.

Ханъ выслушалъ мнѣніе каждаго по порядку, какъ усѣлись мудрецы. Первый Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ, сказалъ:

«Непротивно закону пророка дозволить дочери могущественнѣйшаго Хана управлять войсками, какъ храбрѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, созданной для примѣра намъ и женамъ нашимъ; но законъ нашъ не дозволяетъ никакой женщинѣ обнажать лице свое предъ благочестивыми послѣдователями пророка!..»

— Такъ что жъ! гнѣвно закричалъ Ханъ, сдѣлавъ престранную гримасу. Вѣроятно ты хочешь ее посадить на коня съ завязанными глазами?

Анепій-Каэли Оглу-Илькеджи-Османъ сначала затрепеталъ, но будучи отъ природы хитеръ и увертливъ, сказалъ:

«Могущественнѣйшій Ханъ! не противно будетъ законамъ, если мы всѣ признаемъ, что храбрѣйшая Непекеджанъ Ханымъ имѣетъ безсмертную душу; въ женское тѣло ея вмѣщена душа храбрѣйшая, какая только по законамъ Аллаха можетъ обитать въ тѣлахъ правовѣрныхъ сыновъ. Въ волѣ великаго пророка Магомета было вселить душу эту въ тѣло Непекеджанъ-Ханымъ, а въ томъ, что она имѣетъ душу я ручаюсь своею головой.

— Согласны-ли съ мнѣніемъ Аненія-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османа?

«Согласны!» единогласно закричали мудрецы на вопросъ Хана.

«Могущественнѣйшій Ханъ!продолжалъКаэли-Оглу-Илькеджи-Османъ, существо имѣющее душу, по закону не можетъ обитать въ гаремѣ, а по этому не должно носить и покрывала на лицѣ. Всѣ же не носящіе покрывала обязаны, по закону великаго пророка Магомета, носить чалму, а носящіе чалму, непремѣнно обязаны носить оружіе, владѣть имъ, ѣздить на лошадяхъ, и смотря по способностямъ и достоинству, могутъ управлять войсками.»

—, Ты глубочайшій, ученѣйшій мудрецъ, Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ , я не забуду тебя и твоей мудрости ; ясно доказалъ ты всѣмъ намъ то, въ чемъ я прежде сомнѣвался. Вѣроятно всѣ мудрецы подтвердятъ слова твои.

«Подтверждаемъ, подтверждаемъ, подтверждаемъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ.

«Могущественнѣйшій Ханъ! осмѣливаюсь испросить у тебя позволенія доказать мое мнѣніе.»

—Не мнѣніе, а святую истину—разрѣшаю.

«Благоволи, могущественнѣйшій владыка, повелѣть предстать нынѣ же предъ свѣтлое лице твое воинственной Пенекеджанъ—Ха-

нымъ, да спадетъ впервые покрывало съ лица ея въ семъ благоговѣйномъ мѣстѣ, и да удостоится она изъ рукъ твоихъ получить честную чалму и острую саблю, въ знаменіе чистоты сердца и во славу великаго пророка, вмѣстившаго въ тѣло ея воинственную душу!..»

Апелій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ произнесъ эти слова съ видимымъ замѣшательствомъ; онъ былъ еще молодъ и красивъ собою; всѣ знали, что въ числѣ его мудрѣйшихъ изреченій было одно особенно замѣчательное; онъ изрекъ:

«Блаженъ сынъ пророка, постигающій невѣдомыя прелести небесныхъ гурій, непрестанно упиваясь наслажденіемъ въ своихъ гаремахъ...»

Конечно, Хану не было извѣстно это изреченіе мудреца, иначе не былъ бы Каэли-Оглу въ этомъ собраніи. Искоса посматривали то на него, то на Хана прочіе мудрецы, и старались предугадать, чѣмъ кончится эта интересная сцена; почти всѣ полагали, что Каэли черезъ нѣсколько минутъ будетъ вздернутъ на висѣлицу, но вышло иначе.

Ханъ ударилъ въ ладоши. Два небольшіе Араба поспѣшно подошли къ нему.

«Баралетъ! сказалъ Ханъ, и ударилъ слегка одного изъ нихъ по плечу; прикажи доложить отъ моего имени Непекеджанъ-Ханымъ, чтобы она немедленно явилась въ это соб-

раніе, а ты, Султанъ прикажи принесть сюда чалму, саблю и богатую одежду.»

Султанъ и Баралетъ быстро, какъ тѣни, исчезли изъ залы.

— Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ, взойди на мѣсто моего придворнаго мудреца: твоя рука должна снять покрывало съ лица Непекеджанъ-Ханымъ; ты открылъ всѣмъ намъ духовные глаза, пояснивъ святой законъ пророка, открой же ей глаза тѣлесные, причисли ее къ вѣрнымъ сынамъ пророка, коимъ онъ даровалъ храбрыя души!..

Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ занялъ мѣсто придворнаго муллы. Мудрецы посматривали другъ на друга.

Чрезъ нѣсколько минутъ растворились двери, и въ залу вошла Непекеджанъ Ханымъ. Бѣлое, индійской ткани покрывало, спускавшееся съ лица ея, было такъ длинно, что закрывало всю ея одежду, и съ перваго взгляда казалось, что это двигалась не женщина, а статуя, накрытая бѣлою тканью.

Подошедши къ фонтанамъ, Непекеджанъ, по знаку Хана, остановилась. Ханъ привставъ съ подушки, указалъ правою рукою на всѣхъ мудрецовъ, обратился къ Непекеджанъ, и сказалъ:

«Въ семъ торжественномъ собраніи мудрѣйшихъ и ученѣйшихъ сыновъ великаго пророка признано, что ты дочь моя, Непекеджанъ-Ханымъ, имѣешь душу!»

Ненекеджанъ наклонила голову.

Сказавши это, Ханъ склонилъ голову на грудь, и нѣсколько мгновеній въ собраніи царствовало глубокое молчаніе; потомъ онъ поднялъ голову указалъ правою рукою на мудреца, стоявшаго на возвышеніи, и продолжалъ.

«Подойди къ этому глубочайшему мудрецу, подойди, дочь моя, поближе къ Анепію-Каэли-Оглу-Илькеджи-Осману; его мудрости обязана ты яснымъ и вѣрнымъ доказательствомъ, что въ тѣлѣ твоемъ вмѣщена великимъ пророкомъ Магометомъ душа. Подойди!

Ханъ сѣлъ на свое мѣсто. Ненекеджанъ-Ханымъ подошла къ мудрецу.

«Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ, мудрѣйшею рукою твоею сними покрывало съ лица Ненекеджанъ-Ханымъ!»

— Ненекеджанъ-Ханымъ! произнесъ Анепій-Каэли, положивъ обѣ руки на ея голову. Храбрость есть общая принадлежность правовѣрныхъ сыновъ пророка. Всѣ сыны пророка награждены отъ него безсмертною душею. Ты храбрѣйшая изъ всѣхъ насъ, слѣдовательно, ты имѣешь душу, а имѣющіе душу не могутъ жить въ гаремахъ и скрывать славное лице свое подъ покрываломъ. Во славу Аллаха и великаго его пророка, даровавшаго тебѣ душу, да спадетъ съ лица твоего покрывало! Мудрецъ снялъ покрывало; предъ нимъ явилась дѣва чарующей красоты.

— Аллахъ великъ и Магометъ его пророкъ! произнесъ онъ, и за нимъ десять разъ повторялъ это каждый мудрецъ и самъ Ханъ.

«Да украсится непобѣдимая голова твоя этою честнѣйшею и богатѣйшею чалмою.

Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ взялъ съ огромнаго золотаго блюда драгоцѣнную чалму, которую поднесъ ему одинъ изъ придворныхъ; подобравъ рукою длинные черные волосы Непекеджанъ, надѣлъ на голову ея чалму, внимательно посмотрѣлъ въ лице ея, и можетъ быть, подумалъ: красавицѣ въ семнадцать лѣтъ какая шапка не пристанетъ...

— Могущественнѣйшій нашъ владыка! ты одинъ имѣешь право возложить на плеча храбрѣйшей Непекеджанъ-Ханымъ, эту пурпурную мантію военачальника, и препоясать ее саблею въ знаменіе непобѣдимости!

Ханъ приподнялся. Ему подали на золотомъ блюдѣ саблю, осыпанную драгоцѣнными камепьями; онъ взялъ ее.

Непекеджанъ подошла къ нему.

— Непекеджанъ-Ханымъ! Саблею этой да отразишь ты всѣхъ враговъ государства моего, защитишь отца и себя, и да искрошишь въ мелкіе куски измѣнника великому пророку и нашему отечеству.

Ханъ препоясалъ ее саблею. Потомъ взялъ съ третьяго блюда бархатную пурпурную мантію, съ вышитыми золотомъ полумѣсяца-

ми, и накидывая на плеча Ненекеджанъ, сказалъ:

— Самоотверженіе, храбрость и непобѣдимость одѣнутъ въ часъ битвы тебя и всѣхъ воиновъ, управляемыхъ тобою!

Послѣ этой церемоніи, когда Ненекеджанъ-Ханымъ изъ бездушной женщины была преобразована, по волѣ Хана, въ военачальника, Ханъ посадилъ ее подлѣ себя по правую сторону, и тотчасъ Арабы внесли въ залу, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ, разныя варенья и сушеные фрукты, и угощали каждаго мудреца. Для Хана и новаго военачальника Ненекеджанъ-Ханымъ былъ данъ десертъ на особенныхъ подносахъ. Послѣ десерта мудрецамъ подали шербетъ и кальяны. Ханъ и военачальникъ, раскланявшись съ мудрецами ушли во внутреніе покои; вскорѣ за ними разошлись и мудрецы.

Въ тотъ же день новый военачальникъ ханскаго войска, съ согласія Хана, назначилъ Аненія-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османа первымъ своимъ придворнымъ мудрецомъ.

Послѣ этого дня, достопамятнаго въ лѣтописяхъ крымскихъ хановъ, Тохтамышъ-Ханъ уже не выѣзжалъ одинъ за городъ упражняться въ стрѣльбѣ и военныхъ играхъ, но всегда рядомъ съ нимъ ѣхала Ненекеджанъ-Ханымъ. Улицы города, по которымъ проѣзжалъ Ханъ, обыкновенно были пусты: народъ страшился жестокаго Хана, который часто замѣтивъ въ

толпѣ не понравившееся ему лице сына пророка, хотя-бы сынъ этотъ былъ самый добродѣтельный, немедленно приказывалъ его повѣсить. Это заставляло бѣжать и скрываться всѣхъ отъ взора Хана. Теперь, когда Ханъ ѣздилъ съ Непекеджанъ-Ханымъ, народъ необозримыми толпами волновался по улицамъ города, по которымъ проѣзжалъ Ханъ и Непекеджанъ-Ханымъ, и увидѣвши ее на лошади, въ безпамятствѣ отъ радости неистово кричалъ, поднималъ руки и бѣжалъ вслѣдъ за нею. Такой неозбузданный восторгъ продолжался нѣсколько недѣль и продолжался-бы, можетъ быть, долѣе, если-бы Ханъ не приказалъ объявить народу, что перваго, котораго увидятъ стоящаго на улицѣ во время проѣзда его съ Непекеджанъ-Ханымъ, схватятъ и на мѣстѣ повѣсятъ; послѣ этого улицы по прежнему опустѣли, и всѣ любопытные, пріѣхавшіе изъ отдаленныхъ мѣстъ ханства, чтобы увидѣть лице Непекеджанъ-Ханымъ, возвратились въ свои мѣста.

Непекеджанъ-Ханымъ удивляла не только Хана, но и всѣхъ въ свитѣ его искуснѣйшихъ въ военныхъ играхъ: съ невиданною мѣткостью стрѣла ея попадала въ ласточку, высоко летавшую въ небѣ; съ необыкновенною ловкостью сидѣла она на копѣ, и мчалась стрѣлою къ цѣли; искусный въ играхъ Ханъ съ восторгомъ уступилъ ей свое первенство. Ханъ нарочно повелѣлъ собираться многочисленному войску своему у стѣнъ города, и

команду надъ нимъ поручилъ Непекеджанъ-Ханымъ, и этотъ прелестный военачальникъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе и восторгъ своею ловкостью, распорядительностью и совершеннымъ знаніемъ дѣла. Тохтамышъ жаждалъ, чтобы открылась съ кѣмъ нибудь война: онъ твердо былъ увѣренъ, что умъ и храбрость его полководца въ пухъ и прахъ разобьютъ самое сильнѣйшее и многочисленное непріятельское войско, и прославятъ могущество его и всего ханства. Случай скоро представился Непекеджанъ-Ханымъ показать храбрость свою на дѣлѣ.

Въ началѣ восемьсотъ сорокъ перваго года, по счисленію правовѣрныхъ сыновъ пророка, или, по нашему, въ концѣ 1437-го года по Р. Х., въ Бахчисарай нежданно пріѣхали два султанскіе посланника. Уклоняясь нѣсколько дней отъ представленія своего Хану, и стараясь, чтобы никто ихъ не узналъ, они ѣздили за городъ смотрѣть игры Хана и Непекеджанъ-Ханымъ. Это дошло до свѣдѣнія Хана, и Тохтамышъ немедленно приказалъ посламъ предстать предъ свое Ханское Величество. Послы не могли отказаться исполнить повелѣнія, и въ назначенный день явились въ его дворцѣ. Ханъ принялъ ихъ ласково, и не показалъ особенной къ нимъ холодности. Послы подвесли ему разные подарки, присланные отъ Султана. Ханъ принялъ ихъ съ благодарностью. Тогда же послы просили позволенія представиться, какъ выразились они,

храброму военачальнику ханскихъ войскъ Неnекеджанъ-Ханымъ, и на это Ханъ изъявилъ полное свое согласіе, даже былъ весьма доволенъ этимъ: онъ думалъ, что и послы признаютъ въ лицѣ Неnекеджанъ не бездушную женщину, а храбраго военачальника.

Неnекеджанъ-Ханымъ отложила принятіе посланниковъ до другаго дня. Представленіе было назначено въ самой богатѣйшей залѣ дворца, находившейся въ половинѣ, отданной Ханомъ своему военачальнику. Стѣны этой залы были покрыты персидскою шелковою матеріею; по срединѣ билъ ароматною струею фонтанъ; на пышныхъ диванахъ, вокругъ стѣнъ, были разложены богатыя подушки.

Утромъ, въ назначенное время, въ залу вошла Неnекеджанъ-Ханымъ, въ драгоцѣнной воинской одеждѣ, и сѣла на пріуготовленную подушку; ее окружали знатнѣйшіе начальники войскъ и придворная свита ея, въ числѣ которой главное мѣсто занималъ первый мудрецъ ея, Анепій-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османъ. Посламъ, пріѣхавшимъ во дворецъ за часъ до того, дали знать, что они могутъ представиться храбрѣйшему военачальнику ханскихъ войскъ.

Торжественно вошли послы въ залу, и окончивъ привѣтствіе по восточному обычаю, сѣли на указанныя имъ мѣста. Поговоривъ нѣсколько минутъ о благосклонности Султана къ Хану, одинъ изъ посланниковъ вышелъ

изъ залы, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ золотымъ блюдомъ, осыпаннымъ самыми рѣдкими камешьями; блюдо было наполнено роскошными плодами востока. Оба посланника поднесли его Ненекеджанъ-Ханымъ, преклонили предъ нею колѣни, и подали ей плоды.

Ненекеджанъ-Ханымъ приняла ихъ съ усмѣшкою.

— Хорошо! сказала она: я обѣщаю вамъ послать и отъ себя подарокъ вашему могущественнѣйшему Султану, и черезъ нѣсколько дней вы можете отправиться въ обратный путь.»

Послы ушли, а Ненекеджанъ-Ханымъ, взявши блюдо съ плодами, отнесла его къ Хану.

— Вотъ какой подарокъ прислалъ мнѣ Султанъ! сказала она, показывая плоды Тохтамышу.

Тохтамышъ побагровѣлъ, схватилъ блюдо и бросилъ его съ плодами на землю.

«Безумный Султанъ, онъ мечтаетъ, что я рѣшусь отдать тебя въ его распутный гаремъ; онъ полагаетъ, что ты бездушная женщина; скорѣе же Стамбулъ провалится сквозь землю, скорѣе Мекка и Медина сойдутъ съ мѣстъ своихъ и станутъ въ землѣ невѣрныхъ, нежели я исполню его желаніе! Я пошлю за тебя подарокъ Султану; онъ будетъ имъ доволенъ.» Раздраженный Ханъ не зналъ что дѣлать: онъ то садился на подушку и под-

жималъ подъ себя ноги, то опять быстро вскакивалъ и бранилъ Султана на чемъ свѣтъ стоитъ. Наконецъ усталый, онъ почти повалился на подушку, захлопалъ въ ладоши и вбѣжавшему Арабу приказалъ немедленно позвать своего перваго секретаря Нурмамбека-Имама. Чрезъ нѣсколько минутъ Нурмамбекъ-Имамъ вошелъ въ комнату Хана.

— Нурмамбекъ! приготовь тайно простую веревку и богатый ящикъ. Мы свяжемъ изъ веревки петлю, вложимъ ее въ ящикъ, и пошлемъ этотъ сладкій плодъ Турецкому Султану. А между тѣмъ, сію же минуту разошли тайныхъ гонцевъ, съ приказаніемъ всѣмъ храбрымъ войскамъ моимъ выступить въ походъ къ берегамъ моря. Теперь война съ Султаномъ неизбѣжна.

Нурмамбекъ-Имамъ ушелъ исполнять приказаніе Хана.

Черезъ три дня послѣ этого, турецкіе послы, по повелѣнію Хана, собрались въ обратный путь, и прибыли во дворецъ принять отъ Тохтамыша подарки Султану.

«Вотъ сказалъ Ханъ, вручая посламъ дорогой ящикъ, здѣсь заключается неоцѣненное сокровище, талисманъ, которымъ я владѣлъ доселѣ; теперь я отъ себя и отъ Непекеджанъ-Ханымъ посылаю его могущественнѣйшему Султану; пусть онъ возложитъ его на шею свою!»

Послы съ особенною благодáрностью и даже съ благоговѣніемъ приняли талисманъ, раскланялись и выѣхали изъ Чуфутъ-Кале.

Войска Тохтамыша собирались въ столицу ханскую со всѣхъ мѣстъ. Тохтамышъ и Непекеджанъ-Ханымъ ежедневно по утрамъ осматривали войска, и производили съ ними военныя экзерциціи. Вечернее время Непекеджанъ-Ханымъ проводила въ благочестивыхъ размышленіяхъ съ мудрецомъ своимъ Апеніемъ-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османомъ.

Ханъ замѣчалъ, что военачальникъ его дѣлитъ время свое на военныя упражненія и на слушаніе Корана, объясняемаго ей мудрецомъ: это его чрезвычайно радовало, и нерѣдко, въ часъ грустнаго раздумья, приходилъ онъ самъ въ покои Непекеджанъ-Ханымъ послушать краснорѣчивѣйшаго изъ смертныхъ, какъ называлъ Ханъ Апенія-Каэли-Оглу.

— Непекеджанъ-Ханымъ! въ сердце мое вливается струя радости, когда вижу, что ты укрѣпляешь тѣло и душу твою, днемъ на конѣ передъ войскомъ, а вечеромъ слушая живое слово мудрѣйшаго изъ сыновъ пророка Каэли-Оглу. Продолжай постоянно такіе дни и я съ тобою уничтожу не только Турецкаго Султана, но и цѣлый міръ!

Непекеджанъ-Ханымъ внимала почтеннымъ для нея наставленіямъ отца, и мудрецъ по вечерамъ не отходилъ уже отъ нея до тѣхъ

поръ, пока сонъ не смежалъ прекрасныхъ очей ея. Ханъ осыпалъ мудреца золотомъ и тысячами другихъ наградъ.

Быстро пролетѣло время для Хана занятаго приготовленіями къ войнѣ и для Неекеджанъ-Ханымъ, полюбившей размышленія Анепія-Каэли болѣе, нежели военныя упражненія, прежде такъ сильно ее занимавшія. Ханъ впрочемъ этого не замѣчалъ.

Въ одинъ день, Хану дали знать, что многочисленное турецкое войско вышло на берегъ въ городѣ Дори (Инкерманъ). Это не устрашило Хана. Немедленно раздѣлилъ онъ управленіе войсками своими между двумя военачальниками: лучшую часть войскъ ввѣрилъ Неекеджанъ-Ханымъ, а другую поручилъ своему новому полководцу, заступившему мѣсто Аббекума, самъ-же принялъ главное начальство надъ всѣми войсками.

Турецкая армія быстро подвигалась внутрь Крымскаго полуострова; никакія препятствія не могли ее удержать: войска ханскія, при первомъ появленіи Турокъ, бѣгутъ съ поля битвѣ, и укрываются въ разсѣлинахъ горъ. Угрозы, просьбы, наказанія и награды не дѣйствовали на Татаръ, которыми овладѣлъ паническій страхъ. Появленіе передъ рядами войска Неекеджанъ-Ханымъ, о которой пошла молва, что самъ пророкъ ниспослалъ ее съ неба для отраженія грозныхъ враговъ, также мало воодушевляло воиновъ.

Рядъ неудачъ заставилъ Хана крѣпко призадуматься, и изыскивать сильнаго и послѣдняго средства, какъ воспрепятствовать Туркамъ итти далѣе. Видя, что Турки тянутся по дорогѣ въ Бахчисарай, Ханъ старался отклонить ихъ хотя нѣсколько въ сторону, гдѣ могъ-бы избрать для себя выгодную позицію, и вступить въ рѣшительную битву съ врагами. При одномъ мѣстечкѣ, часть войска турецкаго вступила въ битву съ небольшимъ числомъ Татаръ, коими командовалъ Кадій-Куртъ-Сентъ. Татары разбили Турокъ, и заставили ихъ отступить въ сторону. Это поблагопріятствовало намѣренію Хана, и онъ тотчасъ-же всѣ свои войска двинулъ вправо отъ Бахчисарая, къ древнимъ укрѣпленіямъ Черкесъ-Кермана. Турецкія войска двинулись вслѣдъ за Ханомъ.

Тохтамышъ поспѣшилъ занять горныя возвышенія, и расположилъ запасныя войска въ безчисленныхъ пещерахъ, изрытыхъ въ этихъ горахъ; войска, коими предводительствовала Ненекеджанъ, заняли двѣ вершины горы, разорванной нѣкогда страшнымъ земнымъ переворотомъ. Въ тысячелѣтней башнѣ, построенной надъ бездонною пропастью, и возвышающейся надъ утесомъ, сложили всѣ военные припасы, и все, что было драгоцѣннаго въ войскѣ; въ этой же башнѣ было главное пребываніе Ненекеджанъ-Ханымъ.

Войска подъ командою Кадія-Куртъ-Сента расположились по окрестнымъ возвыше-

ніямъ, и первыя отразили нападеніе Турокъ, которые со всѣхъ сторонъ своимъ многочисленнымъ ополченіемъ окружали Черкесъ-Кермапъ.

Вечеромъ, послѣ молитвы, Ханъ долго сидѣлъ въ своей палаткѣ, думалъ о предстоящей битвѣ, которая могла начаться въ ту же минуту и рѣшить судьбу его и Некеджанъ-Ханымъ.

«Нѣтъ! громко произнесъ Тохтамышъ, послѣ долгаго печальнаго раздумья; эта битва должна передать въ мои руки все султанское войско; не даромъ великій пророкъ Магометъ указалъ мнѣ на дочь мою, которой я ввѣрилъ войска; храбрость и постоянныя благочестивыя размышленія ея съ мудрецомъ Апепіемъ-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османомъ не будутъ забыты пророкомъ, и рука ея укрѣпленная мудрыми наставленіями мудреца, завтра-же побѣдитъ Турокъ!»

Съ этою утѣшительною мыслію Ханъ вышелъ изъ палатки, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи небольшаго числа тѣлохранителей поѣхалъ смотрѣть войска. Осмотрѣвъ всѣ укрѣпленія и посты, онъ быстро взобрался на вершину горы и переѣхавъ небольшой ручей, приблизился къ древней башнѣ, съ намѣреніемъ передъ битвою еще разъ послушать сладкое утѣшительное слово мудреца Апепія-Каэли; и укрѣпивъ надеждою сердце свое, двинуться съ разсвѣтомъ дня на вра-

говъ. Тихо въѣхалъ Ханъ въ ворота башни, и оставивъ сопровождавшихъ его внизу, самъ взошелъ по каменной лѣстницѣ на верхъ, гдѣ находилась Ненекеджанъ. Осторожно, чтобъ не нарушить благочестивой рѣчи мудреца, который, вѣроятно, какъ думалъ онъ, въ часъ этотъ бесѣдуетъ съ Ненекеджанъ, Ханъ отворилъ дверь въ покой, занимаемый Ненекеджанъ-Ханымъ, и что-же представилось изумленному его взору! Ненекеджанъ-Ханымъ лежала на диванѣ. Прелестныя руки ея обвились вокругъ шеи мудреца Апепія-Каэли-Оглу-Илькеджи-Османа, и горячія уста ея прильнули къ его краснорѣчивымъ устамъ.

Увидѣвъ эту живую картину, Ханъ остолбенѣлъ; ярость сомкнула его уста и связала ноги; нѣсколько мгновеній стоялъ онъ у дверей безмолвно и смотрѣлъ на эту сцену, потомъ съ ужаснымъ крикомъ бросился на Ненекеджанъ, обнажилъ саблю и съ словами:

— Кошка! вотъ каковы твои благочестивыя размышленія!.. разрубилъ ее пополамъ. Кровь брызнула ему въ лице; Ханъ отскочилъ въ сторону, пришелъ въ себя, тихо произнесъ: Ненекеджанъ-Ханымъ! но было уже поздно. Одна часть трупа прелестнаго военачальника лежала на диванѣ, другая свалилась на землю; кровь рѣкою разливалась по полу. Увидѣвъ кровь, Ханъ вновь остервенился, и неистовымъ голосомъ закричалъ на стражей. Стражи вбѣжали въ покой.

«Мудреца, какъ измѣнника, въ кожаный мѣшокъ, и сію-же минуту со скалы бросьте въ бездну!»

Арабы схватили мудреца, и черезъ четверть часа войска, стоявшія на стражѣ по утесамъ, видѣли,какъ два стража бросили въ бездну съ самой крутизны горы, черный кожаный мѣшокъ, изъ котораго раздавался отчаянный крикъ преступника.

Ханъ безмолвно стоялъ предъ трупомъ Непекеджанъ-Ханымъ; на лицѣ его ясно изображались печаль и отчаяніе; руки его покоились на груди; взоръ былъ устремленъ на блѣдное, но прекрасное лице его дочери.

— Женщина вѣчно женщиной должна и оставаться! Безумный! я самъ причиною смерти моей дочери!... Но дѣло кончено!.. Завтра, сказалъ онъ, обратившись къ стоявшимъ позади его придворнымъ, вбѣжавшимъ на крикъ, — завтра, повторилъ Ханъ, тѣло Непекеджанъ-Ханымъ отвезти въ Чуфутъ-Кале, и похоронить противъ моихъ окопъ.

Повелѣніе Хана исполнилось: Непекеджанъ-Ханымъ была похоронена противъ ханскаго дворца; надъ могилою ея поставленъ столбъ бѣлаго мрамора съ надписью, сочиненною самимъ Ханомъ; вотъ она:

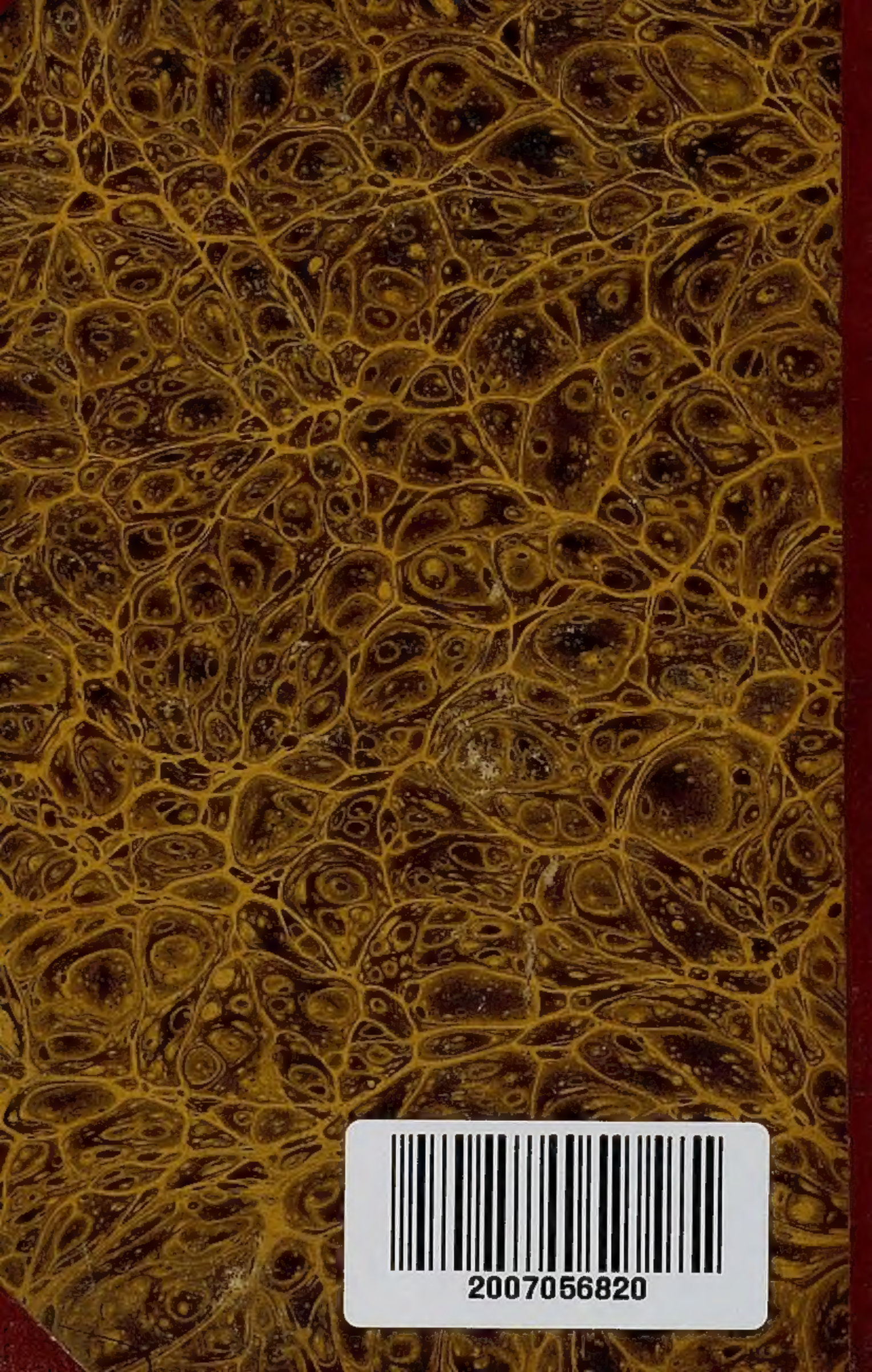
«Женщина всегда должна быть женщиною.» Внизу этого мудраго изреченія начертано имя погребенной, годъ и часъ ея смерти.

Начальство надъ войсками, управляемыми Непекеджанъ-Ханымъ, Ханъ поручилъ Эли-Абиль-Меджиту.

Битва съ Турками завязалась на третій день, послѣ смерти Непекеджанъ-Ханымъ, и новый военачальникъ разбилъ Турокъ наголову.

Обозрѣвши Чуфутъ-Кале и помечтавши надъ гробницею Непекеджанъ-Ханымъ, я опять посѣтилъ Бахчисарай, прожилъ въ немъ три дня и выѣхалъ по дорогѣ въ Симферополь, и за нимъ проѣхавши длинную степь возвратился въ Малороссію, для новыхъ обозрѣній и отрадныхъ воспоминаній объ этой поэтической странѣ.

Читатель, если я тебѣ не наскучилъ, такъ мы встрѣтимся еще на поляхъ Украйны, на мѣстѣ подвиговъ храбрыхъ казаковъ.


20070056820